

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

КАРАГАЧ. ЗАПАХ
ЦВЕТУЩЕГО КЕДРА

Карагач

Сергей Алексеев

Карагач. Запах цветущего кедра

«Алексеев Сергей»

2016

Алексеев С. Т.

Карагач. Запах цветущего кедра / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2016 — (Карагач)

«Во второй половине дня солнце и вовсе жарило по летнему, густо и терпко, до хмельного головокружения, запахло разогретой кедровой хвоей и еще чем-то незнакомым – неким приятным, чуть охлаждающим эфирным ароматом, от которого наваливалась полусонная, обволакивающая нега. Но при этом от земли, даже от мягкого подстила, и от разлива полой воды еще источался знобящий холодок. Женя сначала расстелила вкладыш от спальника прямо возле кострища, на самом припеке, но почував слишком яркий контраст температур, перебралась на жердяное основание палатки...»

© Алексеев С. Т., 2016

© Алексеев Сергей, 2016

Содержание

1	5
2	13
3	22
4	35
5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Алексеев

Карагач-2

Запах цветущего кедра

1

Во второй половине дня солнце и вовсе жарило по летнему, густо и терпко, до хмельного головокружения, пахло разогретой кедровой хвоей и еще чем-то незнакомым – неким приятным, чуть охлаждающим эфирным ароматом, от которого наваливалась полусонная, обволакивающая нега. Но при этом от земли, даже от мягкого подстила, и от разлива полой воды еще источался знобящий холодок. Женя сначала расстелила вкладыш от спальника прямо возле кострища, на самом припеке, но почуввав слишком яркий контраст температур, перебралась на жердяное основание палатки. Оно возвышалось над землей, как постамент, и, застеленное желтой прошлогодней пихтовой лапкой, уже прокалилось на солнце. Ультрафиолета сюда попадало явно меньше, лучи били чуть вкось, цепляя игольчатые кедровые кроны, однако тут она и уловила этот неведомый и нежный эфир, от которого хотелось потянуться, потом расслабиться и ощутить бездумную истинную благодать. Вдыхая его, она вдруг захотела, чтоб Стас сейчас пришел – почувствовал ее зов и вернулся, прибежал! И тогда они бы не уходили со стана и не прятались, и все бы случилось прямо здесь, на этом ложе...

Воображение у нее всегда было отчетливым и объемным, а тут, вероятно, под воздействием летучего, будоражащего запаха, и вовсе путалось с реальностью. Она закрыла глаза, чуть выгнула спину, отдаваясь солнцу, представила, как Стас – обнаженный, мускулистый и сильный, подхватил ее на руки, и в тот же час по телу пробежала сладкая, судорожная дрожь – состояние, сходное с ощущением невесомости и полета. Она понимала, что это блажь, обожаемая детьми и женщинами, причем, для последних опасная, ибо страсть к таким полетам хоть и создает ощущение крылатости души, но предательски делает доступным тело, поскольку укачивает боль, убаюкивает самолюбие и гордость. И отказать мужчине, взявшему тебя на руки, уже почти не возможно...

Женя высвободилась из призрачных объятий и привстала – мотор выл где-то далеко, и кажется, удалялся...

– Сейчас я напущу на тебя чары. – увлекаясь мысленной игрой, прошептала она. – И ты придешь. Я хочу тебя... Ну, вспомни мое тело? Ты же любовался им и жаждал. Посмотри, какая тугая и зовущая грудь. Ты прикасался к ней своими горячими ладонями... Теперь я вся твоя. Хочу, чтоб ты вернулся и... обнял меня... взял на руки. Ты слышишь мой зов?...

Но сама более наливаясь страстью, выпросталась из трусиков и лифчика, потягиваясь, перекатилась с боку на бок и прислушалась. Звнящий звук лодочного двигателя гулял над затопленным лесом, выписывая зигзаги и было не понять, в какую сторону улетает. Истома и нега уже отзывались в теле произвольными глубинными толчками крови, предощущение близости сливалось в горячий комок, но не находило опоры и проваливалось в бездну. Она знала чем закончится неудовлетворенное буйство плоти – головной болью, красными глазами и саднящей тяжестью внизу живота.

Стас оказался толстокожим и глухим – не услышал, не вздрогнул, не ринулся назад, и надо было гасить этот огонь. Женя вскочила с ложа и стиснув зубы, побежала к разливу. Она ничуть не заботилась о своем виде, и даже хотела, чтоб кто-нибудь, пусть даже плешиный Гусь, увидел ее обнаженной и захлебнулся слюнями. Она никогда не раздевалась у себя дома или там, где никого не было, однако же любила загорать все лето или купаться до января только потому

что можно прилюдно, на глазах мужчин, освободиться от одежд. И вовсе не для того, чтобы показать себя и свои прелести – насытиться тонкой, тончайшей энергией мужского созерцания. Она была уверена, интуитивно это чувствуют и этого хотят все женщины...

Похоже, на берегах золотоносной речки в тот час были только приискатели, бульдозеристы, геологи и начальники, но только не мужчины. Впрочем, нет, кажется один был – тот, что украл купальник, только вот слишком робкий, но знающий магическую силу подобных интимных вещей.

Ледяная вода обжигала и в первый миг показалась горячей. Она погрузилась по горло, уберегая волосы, умыла лицо и через минуту вышла медленно, подавляя рвущийся наружу крик ознобленной души, ибо она, душа, терпеть не могла холода.

– Мальчик, я лишаю тебя сладкого! – проговорила с озорной мстительностью и погрозила кулачком в сторону прииска. – Теперь придется заслужить... конфетку.

После купания плоть усмирилась и даже испытывала легкое отвращение. Женя надела трусики, лифчик, легла на живот, раскинув руки – отдалась солнцу, но сначала услышала щебет ласточки на крыше навеса, потом вновь ощутила летучий аромат эфира, несомый слабым ветерком откуда-то из густи кедровых, нисходящих до земли и развесистых крон. Теперь уже ее разбирало любопытство – что могло так пахнуть? Какой-нибудь ранний цветок, размягченная на солнце, смола? Почему вчера его не почувствовала?... Она завернулась во вкладыш от спальника, подошла к ближайшим кедром, долго принималась, присматривалась, задрала голову и решила, что запах этот исходит сверху: на макушках было что-то желтоватое, вроде гроздей мелких невзрачных бутончиков, с коих на хвою сыпалась пыльца. Она еще не знала, что кедр цветет, и обнаружив это, как-то приятно восхитилась – конечно же! Такой тонкий и манящий аромат может издавать что-либо редкостное и необычное! И все для того, чтобы приманить, завлечь того, кто сможет опылить, насекомое, например... Вернется Стас, надо загадать ему загадку. Впрочем, если он не услышал ее зова, не поддастся чарам, вряд ли и нюх у него есть. Ему, как всем мужчинам, кажется, женщина любит ушами, поэтому и говорит слишком много слов, а она, женщина, живет в мире запахов и любит носом. Поэтому и слова – обоняние и обоняние почти одинаковы...

И тут ее осенило: надо заставить Стаса забраться на кедр и сорвать эти цветы! Что-что, а уж каприз ее выполнит, и вообще, сегодня ему достанется...

Женя пошла к своему ложу, и боковым зрением уловила нечто, нарушающее привычный рисунок близкой опушки леса. И то ли в ней прозвучало, то ли послышалось оброненное кем-то, осуждающее слово:

– Срамота!...

Негромко так, но внушительно, как внутренний голос.

Пожалуй, минуту Женя всматривалась в темно-зеленую, непроглядную кромку кедровника, но ничего не заметила. И все-таки что-то заставило вернуться к столу под навесом, где оставался ее спортивный костюм.

– И впрямь срамота. – согласилась она. – Нудистский пляж тут устроила...

Успела надеть брюки, и только взяла куртку, как прямо перед собой, на опушке, отчетливо увидела силуэт высоченного человека, мелькнувшего между деревьев.

– Эй, кто там? – спросила негромко и села, ощутив слабость в ногах.

Они возникли на фоне темного кедровника, словно проявились на фотобумаге: сначала обозначились контуры двух фигур – один чуть ли не саженого роста, другой короткий, кряжистый, длиннорукий, и лишь потом отрисовались лица, одежда и прочие мелкие детали. Высокий был каким-то умиротворенным, золотобородым и длиннолицым, с косичкой, выглядел молодо, лет на тридцать, и более напоминал святого с иконы; низкий же напротив, был много старше и походил на замшелого лешего – пегая борода венником, такие же волосья до плеч, нос крючком, да еще при этом стриг черными, прищуренными глазами из-под низких бровей и

надвинутой на лоб, бесформенной шапки. Страшный и смешной одновременно! Вообще вид незнакомцев сразу ей показался ненастоящим, поскольку оба выглядели ряжеными и потешными: длиннополые синие рубахи под поясами, у каждого на животе по ножу в ножнах, а на плечах – безрукавые кожаные распашенки, оттороченные по вороту и полам темными соболями. Не обыденные и до смешного богатые, должно быть, одеяния!

Иконописный детина смущенно приблизился к столу, встал перед Женей, как-то театрально стащил суконную, с соболиной оторочкой, шапку и потупил свои постнические, но выразительные очи. Вероятно, это был некий торжественный момент, что-то сказать хотел, но вызывал лишь улыбку, поскольку слишком уж неожиданной и забавной была его прическа – светлые волосы зализаны спереди, чем-то намазаны и туго завязаны широким кожаным ремешком. В сочетании с прочим одеянием эдакий поп, или точнее, попище!

Его пегий спутник поспешно обогнул стан геологов, пострелял взором, и убедившись, что поблизости никого нет, зашел к Жене сзади.

– Здорово были, красавица! – поздоровался громко, надтреснуто и грубовато, словно понуждая Женю оглянуться.

Она не оглянулась: смешной ряженный детина словно приворожил взгляд, своим иконописным образом.

– Дак что, Прокопий? – спросили за спиной насмешливо и как-то угрожающе. – Понраву ли тебе отроковица?

Саженный малый на секунду поднял взор, ничего не сказал и вновь опустил выпуклые веки. Его золотистая, окладистая борода искрилась на солнце, и Женя ощутила совсем уж неуместное и шкодливое желание ее погладить, как гладят котенка.

– Или не глянется товар? – поторопил леший.

– Понраву-то понраву... – медленно и натруженно выдавил молодец. – Да осрамилась...

– А кто позрел-то? – ухмыльнулся леший. – Никого нету!

– Я и позрел...

– Дак тебе позволительно! И старики велели нагую взять!

– Ежели так токо... – скромный детина откашлял хрипотцу. – Ишь, растелешилась...

– Загорала она, на солнышке! У них, как у соболей звездено: чем шкурка черней, тем дороже!

– Это у соболей. – все еще тянул богообразный великан с потупленным взором. – А девице след быть с одним пятнышком на хвосте, подобно горностаю...

– Да где же взять ныне с одним? Они пятнисты от рождения! Какая уж досталась по жребию.

– Сомнения есть...

Ты жениться хочешь? Твое слово?

– Хочу...

– Ну и добро! – заключил его веселый спутник. – Проведешь сквозь чистилище, отбелить шкурку-то, вот и будет тебе жена!

– Разве сквозь чистилище. – неуверенно согласился «жених».

– Собирайся-ка, девица, взамуж!

Мало того, что стояли они и перепирались, будто Жени рядом не было, леший так еще выглянул из-за ее спины и рассмеялся в лицо!

– Уж не за тебя ли замуж? – надменно усмехнулась она.

Затылок ознобило: от лешего исходил некий неясный, однако прилипчивый страх, смешанный с омерзением.

– Дак я женатый. – серьезно ответил тот. – За Прокошу пойдешь.

Она еще хорохорилась, но чувствовала, как уходит наигранный циничный задор.

– За этого, что ли? – кивнула на детину.

– За него, ласточка, за него. Суженый твой...

А этот суженный приблизился еще на шаг и внезапно встал на колени и поклонился ей до земли – ничего подобного она не видела, не ожидала и на мгновение оторопела.

– Что это он делает? – спросила сама у себя.

– За себя зовет, замуж. – однако же объяснил спутник.

– Почему молчит? Пусть сам скажет! А я подумаю...

– По обычаю я речи веду. – леший все еще вертелся сзади, и от этого холодило спину. – Я сват при нем. Он и так седни много говорит! Даже про горностая вспомнил!

– Так вы меня сватаете? – Женя засмеялась и сама услышала предательский звон в голосе, возникающий от слабеющей воли. Кажется, еще минута, и способность к сопротивлению переломится, как лучина.

И мгновением позже вдруг поняла его природу: еще недавно тонкий и едва уловимый запах цветущего кедра, наносимый ветерком, незаметно усилился и теперь реял повсюду. Еще этот черноглазый ведьмак маячил за спиной совсем близко, заглядывал в лицо, гипнотизировал:

– Дак уж высватали! Дело-то сделано, соглашайся по добру. Позри, экий тебе жених достался! Да за таким в пору и своими ножками...

Женя вскочила, резко обернулась и чуть не попала к лешему в объятья. Инстинктивно отшатнувшись, она опрокинула крышку лодочного багажника на столе, книги посыпались наземь.

– Вы кто такие?! – почти бессильно выкрикнула, ощущая вдруг неуместную сонливую вялость мысли.

Леший сверкнул черным глазом, бережно поднял книги, сдул соринки..

– Погорельцами назовут – не верь. Мы огнепального толка люди, слыхала, поди... Собирайся, да пойдем с нами.

Гул лодочного мотора то пропадал, то возникал вновь, и доносился лязг ковшей драги...

– Никуда я не пойду!

– Коли так, ведь силком унесем! – весело и не опасно пригрозил тот.

Молчаливый жених как по команде встал рядом, перекрыв путь к отступлению – вырваться на волю мешали вкопанные в землю, стол и лавка.

– Попробуйте!

Женя вскочила на лавку и оказалась вровень с саженым суженым, почти лицом к лицу. Если бы он сделал движение, чтобы схватить, или глянул дерзко, как хищник на добычу, то она в тот же миг прыгнула через стол и понеслась в сторону прииска. Однако он обескуражил тем, что смотрел с какой-то тлеющей мужской печалью влюбленного и ранимого человека. У этого молчуна глаза были настолько выразительными, что читалось всякое движение его души. А еще показалось, от его волос, лица и бороды исходит ошеломительный и завораживающий запах цветущего кедра! И это неожиданным образом очаровало ее, лишало сопротивления и неизвестно, что случилось бы, продлись еще это чувство – возможно, и впрямь сама бы пошла за ним с покорностью смиренной овцы, однако все испортил леший. Воспользовавшись замешательством, он схватил ее сзади, поперек туловища, прижал, захохотал и потащил в лес.

– Одна отрада свату – отроковицу потискать да пошшикотать!...

Руки у него были цепкие и сильные, как у обезьяны, и вонял он тошнотворным, мускусным запахом псины. Вывернуться Жене не удалось, и бить неудобно, физиономии не достать. И тогда она изогнулась, по-кошачьи, с шипением, вцепилась сразу в бороду и волосы. Намотала на кулаки – треск пошел, будто траву рвут! Веселый сват замычал, заскулил и разомкнул свои лапы. Но Женя не отцеплялась, обвиснув, тащилась за ним, пока не оторвалась вместе с пегими ключьями в руках.

– Ну, полно!...

– Я тебе все патлы выдерну! – раззадорившись на миг, пригрозила она. – Чего хватаешь?! Леший веселости своей ничуть не потерял.

– Эка норовиста! – изумленно проговорил он, оправляя бороду. – От уж добра тебе невеста досталась! Не зря два лета ждал. Вот и сам бери, Прокопий!

Тот приблизился вплотную, но не делал попыток взять ее – взирал как-то спокойно, неотвратно, чаровал своими тоскующими влюбленными очами и эфиром. Не смотря на это, Женя отступила, наткнулась на кострище и заготовленные Стасом, дрова. Поленья были березовые, тяжелые, попади одно в голову – с ног свалит, однако жених шел открыто, как-то незаметно уворачивался, и кажется, однажды даже улыбнулся, когда дровина зацепила его золотую бороду.

Еще заметила, он любовался ею!

Потом она попятилась к палатке, как к последнему укрытию, и тут зацепившись за растяжку, упала. И вскочить уже не успела, ибо этот молчаливый жених склонился, легко поднял ее, скрутил, спеленал своими руками, да так крепко прижал к себе, что нельзя было пошевелиться.

И теперь уже убедились окончательно: его волосы были намазаны неким маслом, источающим манящий, притягательный эфирный аромат.

А ей показалось, так пахнет цветущий кедр...

– Отпусти. – неуверенно потребовала она. – Задужишь...

Он словно не слышал, стоял и поджидал, когда его сват соберет в рюкзаки книги и вещи Жени. Золотистая, неожиданно мягкая борода щекотала лицо и в носу уже назревал чих. Она затаила дыхание, перетерпывая зуд в переносице и не удержалась, чихнула неожиданно и от души, так что этот могучий детина вздрогнул и впервые засмеялся.

– Сто лет тебе жить! – восхищенно воскликнул леший. – Какой в человеке чих, таков и век! И ребят баских нарожаешь!

– Ну, хватит, сама пойду! – она шевельнулась, преодолевая сопровствление.

Он вдруг выпустил ее, как выпускают птицу – поставил на ноги и сразу раскрыл объятия. Женя перевела дух, огляделась, и хоть желания бежать не испытала, но смиренной овцой стоять не могла. Скорее, из озорства, из своей противоречивости сначала сделала несколько шажков вперед, затем с места рванула в сторону прииска. Огнепальный жених не ожидал такой прыти, замешкался, и она выиграла несколько секунд – этого хватило, чтобы выскочить из кедровника на вырубку.

– Стас! – успела крикнуть на бегу и потому сдавленно. – Стас! Меня уносят погорельцы!...

Она еще слышала вой мотора на речке: он уезжал и не чувствовал, что происходит то, чего сам так опасался – похищения. И услышать, естественно, не мог...

«Суженный» настиг ее через сотню метров, на бегу подхватил, словно цветок сорвал, облапил, обвил, как спрут, и не спеша понес к стану.

Тем временем леший наскоро собрал рюкзаки – даже фотоаппарат не забыл; тяжелый, с книгами, завалил за спину, второй повесил на грудь.

– Ну, Прокошка, давай ходу! А коль завопит, дак ты ее цалуй в уста-ти!

– Как цаловать-то?...

– По мужески! – научил леший. – Не чмокай, а губы засасывай! Пондравится!

Жених скосил говорящие глаза на ее губы, словно предупредил, мол, поцелую, если закричишь, потом стиснул свою ношу еще крепче и понесся, словно лось, уберегая ее голову от сучьев. Похищенная отроковица и впрямь едва дышала, однако при этом испытывала чувства смешанные, странные. Душа еще противилась насилию, однако замороченный, разум влекло ожидание некого приключения, забавы, развлечения. Этот иконописный, желтобородый богатырь, без усталости бегущий по лесу, внушал страх и любопытство одновременно, и второе все

более затушевывало первое. Ему удалось удивить опытную, искушенную женщину, вызвать недоумение, замешательство с одновременным притягательным интересом; да он попросту напустил на нее чары, как-то незаметно заморозил, хотя она не поддавалась и прекрасно знала – увязнет коготок, всей птичке пропасть. Но ведь он как-то угадал привлекательный аромат? Специально намазал волосы, умышленно бродил незримым по опушке кедровника, чтоб она смогла его уловить, принюхаться, пристраститься и даже очароваться...

Как иначе объяснить свое непредсказуемое поведение?

А потом, еще никогда в жизни и никто так долго не нес ее на руках: бывший муж всего дважды отрывал от земли – раз от ЗАГСа до лимузина, и другой, из роддома до такси. Его безнадежно влюбленный младший брат лишь единожды донес от порога до кровати, а все иные как-то и не догадывались, что ей доставляет невероятное удовольствие – хотя бы на минуту избавиться от земного притяжения.

Теперь этот золотобородый благоухающий исполин, со смешным уменьшительным именем Прокоша, мчался с ней на руках, вызывая непроизвольное ощущение полета, так что замирала душа. И хоть бы остановился на минуту дух перевести, перекинуть ношу с руки на руку! Кажется, напротив, еще и ходу прибавлял, поскольку леший, обвешенный рюкзаками, на пятки наступал и раззадоривал, поторапливал:

– Наддай, Прокошка! Коль притомился, давай отроковицу!

Отдавать добычу в чужие руки жених не хотел, и откуда у него только силы брались! Женя видела его целеустремленный профиль, совершенно спокойное лицо, плотно сжатые, волевые губы, обрамленные золотистой растительностью, разве что чуть раздувались тонкие крылья носа, выдавая высокое внутреннее сосредоточение. Намасленные его волосы, вероятно, уже выветрились, и лишь чуть отдавали запах, однако оказавшись в его руках, она сразу же уловила особенно яркий источник аромата; он исходил от его широченной, перевитой мышцами, груди, словно под рубахой были невиданные цветы кедра. И она воровато, осторожно вдыхала его, закрывала глаза и с неуместным, тайным восторгом думала, какое же это счастье – лететь в руках мужчины....

Бежали так уже минут двадцать, причем, похитители путали следы, двигались зигзагами, иногда по валежнику, а то и вовсе делали петли. Наконец оказались у залитой поймы и тут огнепальный богатырь впервые встал и ослабил руки. Можно было бы очень легко вывернуться и сделать еще одну попытку, к тому же, леший отвлекся, складывал рюкзаки в облас, однако Женя лежала у него на руках и уже окончательно замороженная, не испытывала желания бежать. Ее авантурный разум находил убедительное оправдание – это же все невероятные и забавные приключения!

Ведьмак подчалил один облас бортом к берегу, и Прокоша в тот час же опустил Женю на мягкое сиденье из лосиной шкуры, устроенное в носу. Сам же удалился в лес, а этот огнепальный сват остался за ней надзирать – выбросил весло и столкнул долбленку на чистую воду.

– Гляди, не шевелись. – предупредил. – Опрокинешься.

Облас оказался настолько неустойчивым, вертким, что она сидела и дышать боялась, и это чувство опасности на минуту вернуло ее к реальности.

– Что же я делаю?... – прошептала она.

Однако до конца протрезветь и осмыслить происходящее не успела: жених вернулся с винтовкой и самым настоящим копьем, которое положил рядом с Женей. А та с ужасом подумала, как он, такой огромный, поместится в маленьком обласе? Неужели самой придется грести?... Богатырь же преспокойно сел в корму, подвернув под себя ноги, и вместе с веслом поднял на нее влюбленные глаза. Он вытолкался с мелководья на стремнину и погреб вверх по речке, и то, что душегубка не утонула и вдруг сделалась уравновешенной и остойчивой, как земная твердь, казалось чудом, поскольку борта возвышались над водой всего лишь на палец.

И это стало последним, что ее изумило; встречный ветерок как-то незаметно сдул эфирный аромат, и вместе с ним смел хмель последних чувств и ощущений. Паники не было, нахлынуло смутное и запоздалое раскаяние – зачем поддалась? Ведь могла сопротивляться, кричать, кусаться наконец, а заморочили голову, и пошла, можно сказать, добровольно. Куда ее везут? Зачем? Что будет?!...

Ни одной подобной мысли у нее не возникло, пока нес на руках...

Между тем огнепальный жених греб, как заведенный, срезая речные повороты по мелко-водным разливам, и все еще ласкал взглядом и улыбался в свою золотую бороду. Она же сидела в неудобной, с поджатыми ногами и коленями у подбородка, позе, и опасалась пошевелиться, дабы не нарушить равновесия, и тихо наливалась язвительным протестом.

– Невесту себе добыл? – спросила Женя и сразу ощутила, как ее голос заставил жениха насторожиться. – Ну, скажи что-нибудь? Теперь можно, сватовство закончилось. Точнее, похищение... Не молчи, Прокоша!

Он все слышал и понимал, даже насмешливо-едкий тон, однако смиренно и виновато отвел взгляд, при этом размеренно работая веслом. Женя попыталась разговорить его иначе.

– А знаешь, что у меня в Ленинграде семья? Дочь, мама... Мне тридцать пять лет!... У вас что здесь, девчонок нет? Украл бы какую-нибудь в Усть-Карагаче!...

В первый миг ей показалось, он вздумал опрокинуть лодку посередине реки, или прыгнуть за борт, поскольку резко вскочил на ноги и в тот же час обрушился вниз – встал на колени, лбом достал ступни ее ног и так замер. Причем длинная косичка упала ей в руки, потом медленно сползла на дно, и Женя опять ощутила запах цветущего кедра.

Облас некоторое время по инерции скользил по воде, затем остановился и течение повлекло его назад.

– Пока не поздно... – неуверенно предложила она. – Верни меня туда... Где взял.

Огнепальный разогнул спину и не поднимая глаз отрицательно мотнул головой.

– Коль пожелаешь, дочку привезем. – пообещал леший – его долбленка оказалась рядом. – Что ей в миру оставаться? Вырастим, замуж отдадим... А пока уходить надо бы, Рассоха вернется – искать начнет.

– Рассоха?... Вы его знаете? – не сразу спросила Женя.

– Кто его теперь на Карагаче не знает?... – ухмыльнулся леший. – Нарушил покойную жизнь, эвон сколь народу кругом!... Да мы не в обиде. И даже отблагодарим, коль встретится. Он ведь тоже не по своей воле, а провидением ведомый сюда явился. Мы с Прокошей сегоднешнего дня, считай, два года ждали, чтоб тебя добыть. Ему на роду ты была прописана. Вот и ждали, когда явишься.

– То есть как... прописана?

– Дак сорокаустным провидением. Прокоша сахатого на гону поборол и к старикам, мол, жениться хочу, которую отроковицу взять? Ему и прописали: кто на Зорной речке жир найдет, тот и жену тебе приведет. Возьмешь у него отроковицу зрелую, ярую да нагую. Иной не бери. Мы два лета рыскали, Рассоху стерегли. Жир-то он нашел, а тебя все нет. Ходят с ним все не потребные отроковицы. То не зрелая, то годами подходящая, да в одеже. Вот дождались и взяли тебя нагую... Как раз все и сошлось, как старики напроорочили. Глянул Прокоша, и чуть токо не ослеп! Сразу признал...

Сказал это с явным намеком, что видели ее обнаженной.

Жених все еще стоял на коленях и взирал виновато, дескать, не обессудь, все так и есть.

– Ты, Прокопий, гребни-ка, не то Рассоха и впрямь настигнет. – поторопил леший. – Да отнимет добычу!

И самоуверенно засмеялся, тем самым лишая всякой надежды, что настигнет и отнимет. Молчаливый богатырь послушался, сел в корму и взял весло.

– Погоди! – Женя подалась вперед и облас опасно качнулся. – Я там была голая... Потому что другого мужчину хотела! И вообще, у меня их было много! Ну зачем тебе такая жена?

Поколебать его не удалось – хотя бы тень разочарования или искра сомнения возникла в иконописных очах! А леший невозмутимо озвучил его:

– Дак все от того, что зрелая, ярая, а тело без мужа. И душа без любви! Вот и страдаешь от плотского жара. В воду ныряешь... Добро ли так отроковице мучиться? Прокоша по пути огонь укротит, не сомневайся. А как сквозь чистилище проведет, так и вовсе засияешь!

– Вы не понимаете! Во мне столько страсти!... Неуправляемой страсти! Это моя беда. Грех! Грешница я, а вы люди верующие!

– Нам невест малохолных даром не надо. – отпарировал невозмутимо сват. – От ретивых-то и ребята ретивые родятся. Говорю же, мы огнепального толка люди.

– Я распущенная, развратная! – искренне призналась она, глядя в глаза суженому. – Буду изменять тебе с другими.

Тот лишь улыбнулся и развернув облас носом против течения, стал грести, как ни в чем не бывало – не пробиваемый!

– Дак Прокоша очистит тебя от скверны. – между прочим пообещал леший. – И от блуда отвадит навсегда. Тут уж не сомневайся, быть тебе в его руках отроковицей непорочной.

Жених вдруг положил весло, запустил руку себе под рубаху и вынул серебрянную ладанку на кожаном шнурке. Осторожно раскрыл ее и Женя ощутила, как от холодящего, эфирного запаха затрепетало сердце и слегка закружилась голова. Скорее всего, кедровый цвет, точнее, вещество, из него полученное, содержало в себе нечто наркотическое, пьянящее. А он капнул масло себе на ладонь, убрал ладанку, после чего растер его, и несколькими движениями огладил ее волосы, лоб и щеки. Остальное – себе на бороду.

Руки у него были шершавые, грубые, как терка, но пальцы неожиданно гибкие и какие-то бережно-ласкающие, когда от одного лишь прикосновения возникает зудящий приятный озноб. И захотелось, чтобы он сделал это еще раз, но несмотря на влюбленный взгляд, огнепальный оказался в чувствах сдержанным и принялся с усердием ласкать весло. Она же вдруг утратила дух всякого противления, наконец-то расслабилась, вытянула ноги и сначала чуть отклонилась назад, потом и вовсе прилегла, сдвинув шкуру в самый нос обласа. Кожа все еще хранила память его рук, и сейчас показалось, он склонился и медленно, огладил ее от груди и до босых ступней – по затекшим бедрам и икрам разлилось приятное тепло, вызывая желание потянуться.

Она вскинула руки и увидела близко перед собой иконописный лик...

2

Первую ночь на Гнилой Прорве он не спал, и палатки не ставил, только разжег костер, повесил чайник, но и чаю не попил, и у огня не сиделось. Аккумулятор телефона сел почти до нуля – набрать номер энергии хватало, но на включении связи все гасло. Рассохин пытался нагреть батарею сначала руками, потом у огня, и заряд вроде бы накапливался, загорался дисплей, однако пробить космическую толщу сигнал был не способен.

Он ходил по берегу через весь поселок, взад вперед, слушал, как валится подмытый берег, летят невидимые гуси, и так низко, что доносится характерный треск напряженных маховых перьев. Иногда казалось, по зарастающему пожарищу кто-то ходит и тоже трещит сухим малинником, шуршит заскорузлой листвой, и он, как во сне, шел на этот удаляющийся звук, пока не догадывался, что это он сам создает все шумы. Оставленный то ли заложником, то ли надзирателем, молчун Дамиан все это время прятался в тени, за светлым кругом костра, хотя укрытие это было ненадежным светлой ночью, его силуэт просматривался со всех сторон, правда, как призрак.

За Карагачем, в лагере амазонок, весь вечер висела тишина, однако после двенадцати послышалось усиленное рекой, хоровое пение, как бы если много человек одновременно и бесконечно, на разные лады, тянули сквозь сжатые губы звук:

– О-м-м-м...

Иногда это мычание становилось низким, гортанным, напоминающим инфразвук, и от неприятного, вибрирующего сотрясения в грудной клетке учащалось биение сердца, усиливалась тревога. Даже молчуна эта тяготица прохватила.

– Бесноватые женки. – определил он.

Одновременно с мычанием, в какой-то момент вступали визгливые голоса и начинался фольклор, шабаш: что-то вроде весенних закличек на фоне густого и липкого гудения шмелей. Какафония этих звуков длилась около получаса, ритуал закончился внезапно и где-то на старой, приисковой дороге умиротворенно затрещал козодой.

Остаток ночи он просидел возле развалин электростанции, у того места, откуда ушла Лиза, а потом, когда пригрело солнце, и еще не было гнуса, вернулся к лодке, расстелил палатку на песчанном яру и уснул уже под чириканье ласточек.

И проснулся под их же песни, но от того, что молчун осторожно трогал его за рукав, будил.

– Что? – Стас подскочил. – Лиза?...

Оказалось, Дамиан приготовил обед – какое-то серо-зеленое варево в котелке, настроганное колечками сушеное мясо и пучок колбы.

– Тебя что, кормильцем оставили? – спросонья злобно спросил Рассохин и спустился к воде, умываться.

Молчун не обиделся и стал есть в одиночку.

Привязанная рукою Лизы, синяя ленточка от рубахи трепетала на березке, знак Христофору был дан, однако еще недавно вездесущий, на Гнилую Прорву он ехать не спешил. Да и на что он теперь? Некому устраивать спрос...

В этот день, уже под вечер, Рассохину пришла безрассудная мысль – подыскать место для избушки. Спонтанное, сиюминутное желание остаться здесь навсегда, или точнее, не желание возвращаться, лишь укреплялось, он прихватил топор и до сумерек бродил по поселку. Ничего не нашел, кругом пепелище, густой, объединенный сохатыми, осинник, везде или сыро, или не уютно. Тут и в прошлые, благодатные времена по улицам только на тракторах было и проехать, дома и бараки медленно погружались в болото, не зря называли Гнилой Прорвой...

Да и подходящего строительного леса поблизости нет, куда ни глянь, черные пни да обугленные деревья торчат из густых лиственных зарослей.

От мысли поселиться на Карагаче, он не отказался, однако пылкие мечты притупились, да и приближалась вторая ночь, вместе с сумерками ввергая в тягучее состояние тревоги. В полночь за рекой опять замычали и заголосили, вызывая теперь раздражение – хоть уши затыкай! И что за дурацкие ритуалы? Чего они хотят? Докричаться до небес? Или от тоски воют?

Дамиан ко всему вокруг относился со стоическим спокойствием, как глухонемой, и только улыбался, когда слышал мычание бесноватых женок.

Стас не уловил момента, когда начало светать, впрочем, ночь и так напоминала серый мазок на белом холсте, и понял это, когда призрака возле угасшего костра не обнаружил: немтырь пропал вместе со своим пестерем. Нужды, впрочем как и пользы, от него не было никакой, даже поговорить невозможно, и Рассохин не собирался удерживать Дамиана. Нога у него после драки все-таки нарушилась, лодыжка распухла, вероятно, Стас растянул ему связки. Сильно хромая, молчун в первый же день постелил себе пихтолапки вдали от костра, помочился на портянку, обернул ею ногу и так сидел днем и ночью. Однако сейчас его исчезновение обострило чувство одиночества, и еще будто оборвалась последняя нить, связывающая его с Лизой. Наваливалось какое-то странное равнодушие, пропало даже чувство крайнего возмущения на ее самостоятельное решение – уйти с женой Дамиана. Он даже злиться на нее перестал, и эта возникшая пустота в душе не давала покоя.

Убеждая себя, что ищет немтыря, Рассохин сделал круг по заросшему поселку, послушал вездесущее скворчанье ласточек и случайно наткнулся на фундамент конторы Карагачской партии с пристроенной к ней, камералкой. Пытаясь определить, где располагался коридор и двери, и где стоял его рабочий стол, отвлекся на четверть часа, попихал ногами замшелые головни, нашел блестящий, из нержавеющей стали, ресфедер – ни пожар, ни время его не взяли, даже колесико крутится, набирай туши и тяни прямую линию... Потом залез на холм, усыпанный цилиндрическими обломками камней – все, что осталось от ядерного склада, и хотел оттуда осмотреться и покурить, но сразу увидел в березовом подросте фигуру человека. Показалось, это молчун крадется назад, к костру, вроде, пестерь за плечами. Но когда выдвинулся на чистое, оказалось, в руках оружие, автомат без приклада! Стас сразу же подумал про Гохмана, у него был такой, однако этот не в форме – зеленая энцифалитка и рюкзак за плечами...

Бинокль остался в рюкзаке у костра.

Мотора на реке было не слышно, и явился он снизу – неужто кто-то берегом пришел? Но как, если верхняя терраса изрезана глубокими залитыми логами, руслами сброса талых вод, и на болотах сейчас по горло? На вертолете в это время летишь – весь левый берег до Гнилой блестит и бликует. Это уже за поселком начинается высокое чернолесье, гари и старые выруба, на которых ноги поломаешь, как в сорах. Дорога же здесь одна – на бывший Рассохинский прииск, то есть, вверх по течению...

Между тем, этот автоматчик прокрался к берегу, осмотрелся и открыто вышел к давно потухшему костру. Там покрутился, уже без опаски, положил автомат и по-хозяйски начал разводить огонь. Стас спустился с ядерного террикона и осторожно двинулся на дымок, однако бесшумно продрагаться сквозь заросли малинника не удалось. Когда он выбрался на чистое, мужик стоял с автоматом наизготовку и по-разбойничьи – с топором за опояской.

И все-таки это был Гохман, переодетый по-таежному, не бритый и явно не спавший. Но при этом какой-то непривычно загадочный, словно затаил что-то важное, а сам играет простака.

– Тебя где носит, Станислав Иванович? – возмутился он. – Мы же потеряли! На связь не выходишь!

– Аккумулятор сел...

– Так и подумали...

– Ты как здесь? – от долгого молчания голос у Стаса был хриплым. – На чем? Подкрался – не слышал...

Участковый выглядел не просто утомленным – замученным, замордованным и рассеянным.

– До Репнинской соры на «Вихре», а оттуда на обласке. Там ледовый затор встал. Сору вынесло в залом и лед с верховий. В общем, с трехэтажный дом. Ужас, что нынче творится...

– То-то смотрю, вода поперла...

– Отвык реку веслом хлебать. – пожаловался и всмотрелся в другой берег. – Ладно, хоть ты живой. Не знаем, что и думать... С Галицыным встречались?

– Позавчера еще... Что у вас там случилось?

– У нас? – он загадочно потупился, спрятав глаза, – У нас в общем-то много чего. Дворецкий, к примеру, сбежал! Вот меня и послали...

– Куда сбежал?

– Да хрен его знает!... С двойным дном этот профессор. Как ты журналистку у него забрал и увез, будто с ума сошел. Всех вас, ученых, лечить надо, а не на Карагач пускать. Ехал сюда какую-то книгу искать, а сам по ночам орет – Лиза, Лиза! В общем, решил, ты у него эту Лизу похитил. Грозился застрелить... Никто серьезно его не воспринял. А он исчез вместе с резиновой лодкой и жаждой мести. Главное, у Кошкина ружье спер...

– Он стрелять-то умеет? – невесело усмехнулся Рассохин.

– По зверю, может и нет, а по сопернику – легко. – Гохман взглянул как-то подозрительно. – У тебя-то что стряслось?

– Откуда обласок? – вместо ответа спросил Стас.

– У погорельца отняли! – похвастался участковый. – Словили одного! Ну до чего же шустрый!... Отстреливался, суконец! Из трехлинейки. Мотор МЧСовский навывлет, аж поршень выскочил...

– Зовут случайно не Христофор?

Усталый Гохман оживился.

– Христофор!... Знакомый, что ли?

– Знакомый...

Тот пригляделся.

– Какой-то ты озабоченный, Станислав Иванович...

– Да и ты не в восторге нынче...

– А где твоя... журналистка?

Рассохин сел на землю.

– Можно сказать, похитили, на добровольных началах. Давай только без паники.

– Как это – на добровольных? – опешил тот. – Ты что такое говоришь, Станислав Иванович? Что тут произошло? Не Дворецкий ли похитил?

– Она бы ему не далась...

– Кто? Погорельцы?

– В общем, Елизавета – дочь той самой Жени Семеновой. – кратко объяснил Стас. – Я рассказывал, она потерялась...

– Что потерялась, помню! Почему не сказал про дочь?

– Когда бы я тебе сказал?!

– А, ну да... И что дальше?

– Так вот Лиза приехала сюда искать свою мать. Недавно письмо от нее получила...

– Ты говорил...

– Я его видел, почерк, кажется, не похож... Хотя время все меняет. Думал, тебе показать...

– Стоп! – Гохман побегал возле костра, забыв про усталость. – Мне Кошкин сказал, будто ты... в общем, ее убил, эту Семенову. Уголовное дело возбуждали! Получился какой-то казус...

– Плевать на казус! – возмутился Рассохин. – Я до сих пор думаю так! Но пришло письмо! ... И Лиза полетела сюда, с Дворецким. Должна была ехать с нашей экспедицией.

– Ну я сразу увидел – у вас с ней роман...

– Какой роман?!... Она даже не догадывалась, что это я... Христя причаливал, чтоб на Лизу взглянуть. Посмотрел и удрал... Короче, я сам Лизе все рассказал. Может и зря... За ней скоро пришли двое, муж с женой. Похожи на кержаков, может, погорельцы. И женщина ее увела. Пока я с Галицыным разговаривал... Записку вот оставила.

И подал листок Гохману. Тот несколько раз прочитал, изучил бумажку, на просвет глянул.

– Ты уверен, ее рука? Она писала?

Стас вспомнил, что и почерка Лизы не знает, никогда не видел. С этой сотовой связью и электронной почтой писать-то можно разучиться...

– Листок из ее блокнота. – сказал он.

– Значит, добровольно ушла? А если насильно увели? А записку продиктовали?

– Вряд ли. Заманили и обманули – поверить можно.

– Может, они сговорились с Дворецким? – предположил участковый и потряс головой. – Нет, это уже шиза какая-то...

– Христю трясти надо, если поймали. Он знает куда увели.

– Ты искать пробовал?

– Сначала, в горячах... Читай, она просит не ходить за ней!

– Говоришь, женщина увела?... А где мужик?

Рассохин огляделся.

– Со мной был и недавно ушел. Ментов за версту чует.

– Связал бы!

– Он вроде заложника остался...

– А если журналистка не вернется? Тут хоть было, с кого спросить!...

– Он молчун, не спросишь. Как немой, только кивает...

– Ничего, у нас бы разговорчивый стал. – пригрозил Гохман. – Мы бы его, как в гестапо... Что же происходит, Станислав Иванович? У тебя из-под носа уводят... журналистку? Уводят неизвестно куда... А ты мужика этого отпускаешь и сидишь на берегу? Что-то я тебя не понимаю. При всем моем уважении... Ты опытный, зрелый человек. К тому же, нечто подобное в твоей жизни случалось... Теперь опять похитили?...

– Лиза ушла, когда я разговаривал с Галицыным! – возмутился Стас, услышав в словах участкового некую подозрительность. – Она бы и на моих глазах могла уйти!... Потому что своенравная, как ее мамаша! Христофор знает, куда увели!

Участковый это будто бы принял к сведению, но подозрений в голосе не снял и своего ментовского возра не погасил.

– Ну, а полковник где?

– В лагере, у амазонок...

Тот посмотрел на другой берег.

– Тоже сам остался? Просто беда с этими ... добровольцами!

Рассохин молча достал расписку Галицына. Гохман превратился в немца, или оконченного криминалиста. Изучил текст, бумажку и даже почерка сличил с запиской Лизы!

И это возмутило Стаса окончательно, нервы сдали.

– Ты что хочешь сказать? – прорычал он. – Ты на что намекаешь?!

– Да не волнуйся так, Станислав Иванович! – будто бы добродушно воскликнул сын пленного фашиста. – Там Кошкин с профессором достали, здесь ты... Какие вы нервные, господа ученые! И что же делать станем?

– Я буду ждать! Почему-то верю им.

– Кому – им? Кто заманил твою... журналистку? И увел?

– Я молчунам верю. То есть погорельцам.

– Ого! – ухмыльнулся Гохман. – С каких это пор?

– Они меня спасли, от смерти.

– И Христофору этому веришь? А он из молчунов, только говорливый. Знаешь, он ведь подтвердил, что ты застрелил отроковицу. Которую они прежде у тебя украли.

– Все правильно, Христа видел, присутствовал...

Участковый огляделся как-то беспомощно и разочарованно.

– Станислав Иванович... Ты что, не понимаешь? Ты же себе срок подписываешь. Кошкин, мужик вечно холостой и потому зловредный. Он хоть баб и терпеть не может, но принципиальный. Грозится дело возбудить, по вновь открывшимся обстоятельствам. На убийство срока давности нет, а свидетель теперь есть... Да ладно Кошкин! Тут другие силы вмешались, московские.

Стас мрачно хмыкнул, послушал ласточинный щебет.

– Опять встанет проблема – труп нет.

– Будет тебе и труп. – пообещал Гохман. – Христофор место захоронения укажет. Сдаст тебя с потрохами, а ты веришь.

– Повезет указывать и сбежит. Он уже сбегал так один раз.

– А если не сбежит и будут останки?

– Значит, буду сидеть. – обреченно сказал Рассохин. – Может, и к лучшему...

– А сейчас узнают, Елизавета пропала! Соображаешь? Дочь убитой тобой, женщины. И что подумают? Мотивов по горло! У тебя же кроме записки, ничего... В общем, тебе надо на время смыться!

Участковый завернул автомат за спину и достал топор из-за пояса.

– Как – смыться? – запоздало спросил Рассохин. – В каком смысле?

– В прямом! – он огляделся, что-то прикидывая и принялся смахивать редкие молодые березки. – Давай думай, у тебя время в обрез!

Стас понаблюдал, как Гохман одну за одной валит березы.

– А это ты зачем?

– Разрубаю вертолетную площадку. Ждем борт с высоким начальством.

– Когда?

– Сегодня после обеда! Соображай быстрее, Станислав Иванович!

– Я тугодум...

Участковый деловито осмотрелся, прикидывая, как будет садиться вертолет, и принялся смахивать высокие кусты бузины и крушины.

– Лодку я заберу. – между делом сочинял легенду. – Скажу, приехал, а тебя на Гнилой нет. Моторка стоит, а тебя нет. Придумай, где спрятаться надежнее. Ты места знаешь... Лучше всего к амазонкам в лагерь! Они там спрячут мужика, полк МВД не найдет. И туда никакой ОМОН не сунется. В прошлом году мы всем отделением пробовали взять. Так они знаешь что устроили? – он даже рубить перестал. – Разделись в чем мать родила и на нас пошли! стыдно признаться, но мы драпали, как немцы... Вот что ты станешь делать против толпы голых баб? А они все молодые, красивые!...

Что-то вспоминая, он мечтательно последил за ласточками в небе, потом смахнул несколько березок и распрямился. За рекой, возле лагеря амазонок, завыл лодочный мотор, однако судя по звуку, лодка ушла по курье куда-то в противоположную сторону.

Когда все стихло, Гохман продолжил:

– До сих пор думаю, почему красивые чаще всего несчастные? Не от хорошей жизни сюда заперлись... В принципе, мы не их брать ходили. Баб вообще нам трогать не велят – демократия, свобода... Мужиков давно хотели пощупать, которых прячут. По оперативным данным, половина беглых алиментчиков, половина – сброд... В общем, пришлось отступить. Амазонки своих не сдают. Схвайся у них в лагере.

– Не буду я ховаться! – возмутился Стас. – С какой стати? От кого?... От Кошкина, что ли? Или от мести Дворецкого? Я всю жизнь не прятался... Да и не хочу к амазонкам!

Гохман воткнул топор в огарок бревна, сел и уставился в землю.

– Если бы от Кошкина, ладно. Он дурак полный, поэтому его женщины не любят... Слушай, Станислав Иванович... Ты мне скажи, что такое ЦК? У вас в Москве?

– Центральный комитет...

– Нет, про это ЦК я слышал, но его давно упразднили. Теперь есть другой. То ли при каком-то совете, то ли при администрации. Центр какой-то... Но не врублюсь, а у мужиков спросить неловко. Да они и сами толком не знают. Вы там, в Москве напридумывали всякого, в нашем назyme не разберешь... Это что за организация? К ФСБ относится?

– Откуда я знаю?... А тебе зачем?

– А затем, что область на ушах стоит! В Усть-Карагаче начальства – туча! Жена говорит, полная Сорокинская гостиница. Из этого ЦК прилетели уполномоченные. Будто из-за твоей экспедиции, Станислав Иванович. ОМОН подтянули из УВД. Соображаешь? Что-то готовится...

Рассохин слов подходящих не нашел – выматерился, хотя в последнее время делал это редко. Участковый послушал и ухмыльнулся:

– В общем, ловить тебя станут как государева преступника... Так что, прячься, ученый! И я тебя не видел и не слышал. А иначе как скажу, что журналистка твоя пропала?... Ты же меня подставляешь! В общем, обласок оставляю. На худой случай плыви в разливы и сиди там. Островов много, замаскируйся и затихарись, пока суть да дело. Но лучше тебе в лагерь.

– Не надо обласка... Лиза может вернуться в любой момент. А меня нет!

– Гляжу, царапнула она тебя. – озабоченно проговорил Гохман. – По твоим глазам понял, седина в бороде.

– Это не она царапнула. – признался Рассохин. – Это старая царапина заболела. Как наваждение. Или проклятье, будто тридцати лет и не было. И опять на Карагаче, опять в мае...

– Неужто мамашу ее вспомнил? Ничего себе...

– Ладно, переживем...

– Уходи! – приказал Гохман.

– Куда?

– Они сегодня здесь будут, на Гнилой! И встретишь тогда и мамашу и дочку! Где-нибудь в областном ИВС, на нарах. Обложили тебя Станислав Иванович. Если ревнивый профессор не стрельнет из кустов, эти из ЦК церемониться не станут, разберутся по полной.

Гохман выдернул топор и принялся крушить березник. Стас брел за ним следом, испытывая редкостное состояние какой-то невесомости мыслей – ни одной толковой не приходило. С немецкой аккуратностью участковый расчистил площадку в полгектара, хотя на Гнилой Прорве после пожара и без того можно было садиться где угодно.

– Эх, обещал жене на кладбище сходить! – вспомнил он. – Чую, будет мне дома Сталинград! Она и так из-за этих голых амазонок меня на Карагач не пускает. Слух-то разнесся... А узнает, тебе не помог, все, труба... Ты же для нее – икона. Память юности!... И что у баб на уме? Раз с ней потанцевали, всю жизнь помнит...

Вода в Карагаче резко пошла на прибыль: так бывало, когда в гористых верховьях начал обильно таять снег, а где-нибудь на заломе встает ледовый затор. Вчера еще наполовину

вытащенная на сухое, лодка теперь болталась на цепи в сажени от берега. Участковый развернул голенища сапогов, осторожно забрел и положил вещи.

– Нынче поселок зальет. – сказал определенно. – Вон как вода поперла... Так что не высидишь на Гнилой.

Рассохин молчал, безнадежно озирая пустынный берег. Участковый разозлился, выдернул ломик с цепью, с грохотом бросил на дно и запустил мотор.

– Сдаваться на милость не советую! – прокричал. – Нынче слова такого не знают!

Включил скорость и не экономно, не рачительно дал полный газ.

Стас побродил по берегу, слушая удаляющийся вой мотора, и тут показалось, Гохман возвращается. Почти исчезнувший характерный звук стал приближаться: верно, забыл сказать что-то важное. Однако из старицы напротив вдруг выскочила дюралька! Видно, услышали и решили проверить, что за движение началось на Гнилой Прорве. За румпелем маячила одинокая мужская фигура. Рассохин стоял на обрыве, не скрываясь, и лодка выписав круг под самым берегом, унеслась обратно: убедились, что он на месте. То есть, его пребывание здесь Матерая все-таки контролировала, не исключено, за ним наблюдали откуда-нибудь из залитых прибрежных кустов. Правда, что происходит на другой стороне, разглядеть было трудновато, мешал береговой вал и заросли, если что и видели, так дым от костра или когда Стас ходил по самой кромке, либо спускался к воде. Однако, в течение этих двух дней амазонки никак не проявлялись – то ли совещались, что делать, то ли что-то выжидали. Впрочем, Рассохину на них уже было наплевать, иногда, одержимый своими мыслями, он забывал о соседстве, пока его не начинало раздражать ночное их мычание.

Когда на Карагаче все стихло, а от невыносимости ожидания стало тошно, он вспомнил, что тоже еще не бывал на кладбище: где-то там похоронили Репу. Все заросло после пожара и высокого паводка, улицы определить можно лишь по колеям, да и то не понять, которая и куда ведет. На поселковый погост когда-то существовала дорога, хотя из-за вечной распутицы покойников таскали на руках или возили на трелевочниках, за полкилометра от поселка – там было самое сухое место, древняя дюна, выступающая из болотистой равнины. Он вспомнил приметку: мимо могилки тянулась электролиния на лесопилку. Всмотрел обгорелые столбы с упавшими проводами и пошел по ним, как по компасу.

И очутившись на лесистом холме, вдруг подумал, что это самое подходящее место, чтоб жить, но уже раз и навсегда занятое мертвецами. Песчаный бархан не тронули ни ветра, ни нынешние ползучие болота, и даже пожар обошел стороной, отыскав более лучшую пищу – терриконы прелого горбыля возле пилорамы. Молодой сосновый бор на погосте лишь по краям захватило огнем, и то не насмерть, только кора обуглилась, и сейчас солнце пробивало частокोल золотистых, взрослеющих деревьев. И кругом мох – на земле, могилах, крестах и оградках, кособоких, но еще стоящих, брусника цветет да ветерок пошумливает в кронах.

Стас побродил по кладбищу, пощупал ногами мох в подозрительно выпирающих местах, попробовал почитать надписи на крестах и ржавых тумбах со звездами – и тут все стерлось. И вдруг наткнулся на высокий, голубоватый от лишайника, и грубовато обработанный камень: ни креста, ни звезды, зато стальными скобами прищиплен геологический молоток и медный горный компас! Еще не очистив надпись, угадал – здесь и лежит Репа, погибший на рыбалке!

Достал нож, соскоблил звездчатый лишайник с имени, и еще ниже – с эпитафии. Должно быть, тесали камень, резали буквы и сочиняли мужики из отряда, скорее, все вместе, ибо это напоминало буриме, а орудовал долотом Галя. Только он отличался рукоделием, вязал на спицах, точил из яшмы кабашоны, письменные приборы и прочие безделушки.

«Твой маршрут – небеса, а костры твои – звезды в созвездии Рыб...»

– Здорово, Репа. – вслух проговорил Стас. – Вот ты где приземлился...

И огляделся, поскольку голос под кронами бора зазвучал гулко, как в храме. С обеих сторон могилы было две замшелых скамьи, а в ногах остатки кострища, затянутые мхом: видно,

отряд приходил сюда частенько, сидели, поминали, играли на гитаре... Он опустился на одну из них и оказался на земле, толстая и на вид еще крепкая доска сгнила в прах, держалась за счет мха и переломилась беззвучно.

– Ну, Реп! – ему стало смешно. – Не даешь ты расслабиться!

Встал неуклюже, отряхнулся и вдруг увидел тощую, облезлую медведицу. Всего шагах в сорока, на склоне кладбищенского холма: стояла на задних лапах, слушала – эдакий трехметровый сурок! А рядом куврыкались во мху два крохотных медвежонка... Стас тоже замер, и благо, что оказался с подветренной стороны – не учуяла, а близорукая, так и не увидела. Настороженно опустилась и поглядывая в его сторону, принялась разрывать муравьиную кучу.

Рассохин медленно пригнулся, спрятавшись за надгробие Репы и осторожно попятился. Хорошо, мох влажный, глубокий, глушит шаги. Спустившись так со склона дюны, он развернулся и пошел с оглядкой, сдерживая желание побежать. Весенняя медведица с детенышами может напасть даже не от голода, из опасения за свое потомство: однажды на Сухом Заломе техник Кузя отошел от лагеря на полсотни метров, по нужде, и со снятыми штанами на дерево заскочил. Несколько часов продержала, и когда пришли выручать, с двумя карабинами и собаками, так огрызалась еще, не желая оставлять добычи. Над головой стреляли – не боится, отскакивает и рычит! Хотели уж грохнуть ее и медвежат переловить, но тут паровоз на узкоколейке загудел, так убежала...

Всю обратную дорогу он шел хоть и без оглядки, но спину знобило...

И еще издали узрел дым на стане: костерок, разведенный Гохманом, давно прогорел, а тут столб стоит, и сразу же трепыхнулась надежда – Лиза вернулась! Он проломился сквозь малинник, и чтобы не напугать ее треском, позвал:

– Лиза?.. Это я!

У костра сидел немтырь, сушил портянки, бродни и одежду, должно быть, где-то накупался. Стас поглядел, как он вертит перед огнем свои тряпки и непоколебимость молчуна вдруг его разозлила.

– Христофора поймали и допросили... И он подтвердил!.. Жени Семеновой нет, убита. А твоя жена увела Лизу. Будто бы к матери!.. Теперь говори, где Елизавета?

Немтырь выслушал, глянул как-то страдальчески и согласно покивал. Одежда не досохла, однако он оделся в полусырое, захватил пестерь и пошел в сторону приисковой дороги!

Рассохин догнал его, схватил за шиворот.

– Ты куда?!

Дамиан указал на ту сторону Карагача. В лагере амазонок было непривычно тихо, а шел уже двенадцатый час, обычно там уже стучали, гремели, дымили невидимые трубы и жужжал моторчик электростанции...

И вдруг на старице опять приглушенно заработал лодочный мотор, и если молчун норвил спрятаться, значит, едут гости! Вероятно, думают, что Рассохин остался на Гнилой один, решили, на лодке уехала спутница, Елизавета, и настала пора действовать.

Стас отпустил молчуна, сам же вернулся к костру, взял рюкзак, палатку, топор, огляделся, не забыл ли чего: встречаться с Галицыным, тем паче с лагерной бандой не было никакого желания. Пока он бежал к разливам, где участковый оставил облас, звук мотора вырвался из старицы на простор и вдруг потянул вверх по реке. Это уже было интересно! Рассохин сложил вещи в облас, а сам с биноклем вернулся к реке, где забрался в развалины пекарни. Внутри тоже росли березы, торчали из земли дюралевые хлебные формы, склепанные по парам: на Гнилой всегда пекли очень вкусный хлеб, и если густо, как сливки, растворить сухое молоко, горячую белую буханку можно умять за раз.

Рассохин вспомнил это и впервые за два дня совсем неуместо ощутил приступ голода...

Между тем, от перегруза мотор на Карагаче был на высоких оборотах, но звук проплывал медленно. Пригибаясь, Стас выбежал к реке, и увидел лишь пенный кильватерный след.

Дюралька скрылась за поворотом и там рев двигателя оборвался – похоже, причалили. И уже спустя минуту пустая лодка понеслась обратно, сходу скрылась в затопленных кустарниках устья старицы. Кажется, десант высадили недалеко за Гнилой Прорвой, в районе выхода приисковой дороги, и теперь вернулись за следующим: слышно было, как гремит под сапогами дюраль, спешно сажали пассажиров, потом опять взревел мотор. В лагере амазонок началось странное движение, похожее на бегство. Вторым рейсом лодка везла пятерых мужиков, с рюкзаками, однако Галицына среди них не было.

А за румпелем сидела сама Матерая!

В прежние времена вдоль реки шла отсыпная дорога на Рассошинский прииск и еще множество троп, набитых скотом, но то ли берег обвалился, то ли заросло так, что Рассохин даже следов не нашел и едва продрался сквозь густой черемошник и краснотал. И все же опередил ползущую по воде, лодку. За поворотом, на полузатопленном берегу стояли четверо мужиков из первой партии, тоже с рюкзаками – поджидали своих. Полковника и здесь не было!

Новоявленная хозяйка Карагача причалила бортом, пассажиры шустро выскочили на сушу. Стас не расслышал, что говорила Матерая, но последнее напутствие донеслось отчетливо:

– Батарею берегите!

Покорные бородатые братья двинули скорым шагом в сторону материкового бора и через полминуты пропали в густых, пойменных зарослях краснотала. Под их ногами отчетливо зачавкала грязь и забулькала вода – высокую пойму топило.

И только сейчас, при виде поспешного бегства немногочисленного мужского населения лагеря, Рассохин наконец-то прочувствовал справедливость советов Гохмана – скрыться на пару недель, пока десант таинственного ЦК с ОМОНОм не начал карательную операцию. Вряд ли тронут женщин, тем паче, с детьми, и полковник Галицын отбрешется, а вот беспаспортных бородатых братьев, невесть откуда прибежавших на Гнилую Прорву, возьмут непременно, хотя бы для установления их темных личностей.

Стас послушал ласточек, посмотрел, как Матерая таранит лодкой затопленный тальник, пробиваясь в устье старицы и неожиданно для себя наконец-то определился.

– А не наведаться ли мне в гости? – тоном Бурнашова спросил вслух. – К женщинам? Пока отсутствуют их мужчины?

3

Столичная жизнь предпринимателя Сорокина протекала скрытно, была окутана неким таинством и у Колюжного сначала сложилось впечатление, что он прячется от работодателей и кредиторов одновременно, что в общем-то считалось в порядке вещей. Первые хотели получить с него долги, вторые не желали их платить, и, возможно, все угрожало, представляли опасность, а канадский уроженец, еще не привыкший к российской реальности, ее преувеличивал и потому часто менял автомобили, съемные квартиры, и отыскать его убежище сразу не удалось. Кроме того, от образа существования его фирмы «Кедры Рода», несколько лет назад разрекламированной, пахло мошенничеством: бизнесмен имел офис в престижном Международном торговом центре, однако там уже года полтора никого не видели, хотя арендная плата вносилась аккуратно, впрочем, как и налоги, а штат из дюжины человек, в основном женщины, работали надомниками, то есть сидели по квартирам и справляли дела по телефонам. Вячеслав обзвонил несколько номеров, говорил по-английски, дабы не спугнуть, и на звонки отвечали вежливо, нежными голосами, чаще отсылали друг к другу и никто не мог сказать, где разыскать и как встретиться с босом, например, по поводу закупки кедрового ореха, масла и прочих даров природы – конспирация была примитивная, но работала.

Не мудрствуя лукаво, Колюжный отправился по магазинам искать книгу Сорокина. Ему предлагали купить несколько томов прозаика-однофамильца, потом стихи поэта, однако такого Сорокина, который бы писал о сибирской пророчице, не было. Зато предложили почитать некоего Стюарта, который и в самом деле подобную книгу издал, и уже не одну. Первая называлась «Свет любви», относилась будто бы к научной фантастике, которую Вячеслав с некоторых пор терпеть не мог, впрочем, как и ученых-теоретиков, однако купил. И вроде уж вчитался, поскольку немудреный, с намеком на автобиографичность, роман начинался увлекательно: автору рассказали любопытную притчу о блудной отроковице. Мол, на Карагаче жили когда-то староверы толка молчунов-погорельцев, которые крали себе невест из мирских девушек и женщин без разбора, какая подвернется. Крали и проводили сквозь чистилище, освобождали душу и тело от всего мерзкого и грязного неким жутким иезуитским способом: на огонь сажали, в воде топили, голодом морили и даже сквозь хомут протаскивали. И потом только женились.

Будто этот обычай у них возник после того, как советская власть забрала у молчунов всех женщин, детей и стариков, а скиты пожгла. Но в последние годы вроде бы красть оказалось некого, поскольку населения на Карагаче не стало, и молчуны то ли затаились где-то, то ли разошлись по всей Сибири, то ли вовсе извелись. Никто про огнепальных толком ничего не знал, и по слухам, осталось несколько стариков и старух, которых никто не видел. Но зато многие встречали в тайге блудную отроковицу, неприкаянную душу, что-то вроде призрака. Будто ее погорелец то ли похитил на прииске, то ли она, распутная, сама ушла с ним, однако старатель, законный жених, настиг вора и убил блудницу. Вот с тех пор, мол, она и ходит вдоль Карагача, ищет этого старателя, а поскольку мертвая, то хватает всех подряд. Ее встречали многие рыбаки, охотники, шишкобой, кто промышляет здесь, говорят, свиду она такая красивая и заманчивая, что мужики с ума сходят, и уже не один на психу угодил. Де-мол, если встретится случайно, то самое главное, не смотреть отроковице в слепые глаза. Ибо она сразу же прозреет и очарует. И еще не слушать, что говорить станет.

Автор, и он же герой по имени Гарий – книга была написана от первого лица, стал ходить вдоль Карагача и однажды встретил эту блудницу, а будучи человеком отважным, наплевав на предрассудки, взял ее за руку и посмотрел в глаза. Она же прозрела, вмиг очаровала его, поскольку и в самом деле была прекрасна, сняла одежды и превратилась в безобразную, морщинистую старуху. А между обвисших до пупа, грудей, совсем свежая рана от пули и струйка

крови. Гарий содрогнулся от омерзения и хотел уж сбежать, но тут древняя блудница открыла беззубый рот с черными губами, засмеялась и прошамкала:

– Полюби меня такую, и я укажу тебе путь! Сама сведу в священную кедровую рощу. И ты получишь там знания будущего.

Герой понял, что это ему послано испытание, как в сказке, собрал все мужество, вдохновился, овладел этой старухой и к своему удивлению получил не физическое – духовное наслаждение. И догадался, что происходит это от некого света любви, исходящего блудницей. А она взяла его за руку и привела к своему мужу – у нее муж оказался, здоровый такой детина и еще молодой! Ни слова не говоря, он схватил жену за седые космы и стал по траве таскать, да лицом в землю тыкать.

– Опять за старое?! – ревел он. – Жри землю, сука! И клянись!

Гарий не вытерпел такого издевательства над женщиной, поднял камень и бросил наугад, в сторону мужика. И попал точно в голову! Показалось, мозги брызнули, но злодей даже не упал, а только поправил треснувшую черепную коробку, вмиг преобразился в старика и вдруг говорит:

– Теперь вижу, ты насытился светом любви. И обрел силу! Значит, достоин вернуться в мир живых и овладеть истинами. – и благосклонно сказал своей жене-старухе. – Так и быть, открой ему путь к знаниям.

Оказывается, герой попал в мир мертвых, который следует пройти, чтоб открылись некие древние истины и провидческий взор!

Колюжный бы дальше и читать не стал этого сочинения, но здесь было волшебное название реки – Карагач, где бродил сейчас Рассохин, поэтому пришлось набраться терпения и погрузиться в мир фантастики. В общем, старуха взяла его за руку и повела через лес, без дорог и тропинок. На пути им попадались разные звери, в том числе, и медведи, но не трогали, а кланялись старухе, вытягивая передние лапы. На берегу какого-то озера она раздела Гария, сняла свои одежды и ввела в черную, ледяную воду: дыхание зашлось, тело вмиг зануло от боли и потом очужело! А она только получала от холода удовольствие: поплескалась сама и принялась его мыть донным илом и семенными коробочками кувшинок, разламывая их напололам своими корявыми пальцами. Он повиновался только потому, что не мог двинуть ни рукой, ни ногой, напрочь одеревеневших в весеннем озере, где только что сошел лед. И мало того, подвела к роднику, бьющему из-под горы, и стала омыwać светлой, густой, как сметана, водой, так что он даже замерзший, бесчувственный, ощутил ее холод. Еще бы миг, и Гарий превратился в сосульку, но старуха вывела на берег и оставила греться на солнце.

Сама же нырнула в озеро и пропала на четверть часа.

Герой чуть отогрелся и заволновался, вздрагивал от любого всплеска, а там повсюду плескались бобры. Думал, уже утонула, и кто же его дальше поведет – кругом тайга бескрайняя, темная и никаких ориентиров. Однако старуха вынырнула далеко, возле противоположного берега, и поплыла к нему. Гарий обрадовался, запрыгал, но когда она вышла из воды, оказалась совершенно другим человеком! Юная, прекрасная, с сияющими волосами, обрамленными венком из белых лилий, и ничем не похожая на ту блудную и слепую отроковицу, что очаровала его на Карагаче. Он изумился такому перевоплощению, и вместе с тем, не растерялся и захотел ее обнять, влажную, в пупырышках от холодной воды, скрипучую от чистоты и манящую свежестью. Он уже совсем согрелся и хотел наброситься на нее, но смаху ударился о незримую преграду, некое уплотнение воздуха вокруг желанной девицы! Да так сильно, будто о стеклянную стену. А она лишь улыбнулась, высвободила руку из под длинных волос и поманила за собой, под сумрачные своды густой кедровой рощи.

– Где же слепая блудница? – спросил он, озираясь.

– Если хочешь, можешь вернуться к старухе. – произнесла перевоплощенная дева. – Она осталась на дне.

– А ты кто?

– Исповедальница. Ты же хотел овладеть знаниями?

Гарий послушно двинулся за ней, на ходу любуясь ее стройной, изящной и недоступной фигурой под незримым стеклянным колпаком. В кедровнике она велела сесть на мшистую валежину, сама легла у ног и принялась излагать истины, надо сказать, весьма примитивные и известные: жить, мол, следует в природе, на братско-сестринских общинных принципах, питаться ягодами и грибами и тогда дух будет совершенствоваться до космического. И совокупляться возможно лишь для продления рода, один раз в год, а не превращать священный ритуал соития в повседневный секс.

И тем самым словно оскопила развратного и сладострастного героя. Он вмиг перестал замечать, что исповедальница обнаженная, укротил свою плоть и стал слушать, а Колюжный читать про эти самые истины, охватывающие всю жизнь. Наставления хоть и отдавали библейским тоном, однако никакого откровения не несли. Подробно описывалось, как и когда зачинать, как следует рожать и воспитывать детей, чем лечиться от хворей и как продлять жизнь до бесконечности – в первую очередь, ходить голым! Это в Сибири-то, на комарах и морозах? В общем, не правда и скукота неимоверная, однако по ходу повествования выяснилось, что правнук жадармского ротмистра скрылся под королевским псевдонимом Стюарт. Исповедальница велела взять такое новое имя и заставила писать эту книгу – видимо, таежная скитница хорошо знала историю Британии.

Как бизнесмен, Колюжный отлично понимал, что это всего лишь рекламный ход, причем, обреченный на неудачу изначально: какой-то шотландец, пусть и со звучной фамилией, пишет на сибирскую тему, о кедре, о таинстве жизни в сибирских лесах, излагает очень уж простенькие и утопические заповеди, доверенные ему некой пророчествующей и прекрасной женщиной. Кто поверит, кто клюнет на подобную приманку? В общем, лучше бы писал свои приключения с эзотерическим ароматом, свидетельствующие о том, что автор и вместе с ним герой – парни, уставшие от скуки и удовольствий обыденной жизни. Однако читатель, изголодавшийся по таинственному, романтическому и мистическому, принимал все за чистую монету, а иначе бы не выпускали большие тиражи и народ бы не хлынул на Карагач собирать шишки и искать если не саму пророчицу, то истину.

В магазинах ничего определенного о загадочном авторе не знали, в издательстве рассказывали байки, про некоего обрусевшего англичанина королевских кровей, который обитает в суровой сибирской природе на Карагаче. Дескать, живет круглый год в священной кедровой роще, ходит голый даже зимой, слушает рассказы пророчицы, на себе проверяет все открытые ему истины, записывает их и шлет рукописи со случайной оказией. Самого Стюарта будто бы лично знает только владелец издательства, у коего тоже нет контактов с автором, и вообще, есть подозрения, что все это умозрительный проект авантюрной литературы, коллективное творчество, и сам автор – фантом.

Колюжного таким образом почти убедили, тем паче, он и подозревал нечто подобное, инициированное Сорокиным в рекламных целях. Но почти случайно открыл в интернете читательский форум, где обсуждали даже не творчество, а истины, высказанные пророчицей, и оказалось, что ее последователи есть не только на Карагаче, но и во многих городах. В Москве и вообще существует одноименный с книгой, клуб! И будто автор ее является чуть ли не на каждое собрание и вход туда открыт для всех желающих, и стоит всего сотню долларов. Только место собрания всякий раз новое. То ли опять конспирация, то ли бездомные кедролубы арендуют помещение для каждого заседания в разных частях города.

В первый раз встретиться с загадочным Стюартом не удалось, зато Вячеслав вдоволь насмотрелся на его поклонников, точнее, поклонниц, ибо их было большинство. Действо напоминало философско-поэтическую дискуссию, совмещенную с последующим сеансом релаксации: в маленьком зальчике играла какая-то восточная музыка, пахло кедровой смолой и индий-

скими благовониями. В общем, для новичка кажется бессмысленной смесью, сразу и не понять, для чего здесь собираются: чему-то научиться, почитать самодельные стихи, поразмышлять на тему общинной жизни, овладеть практикой оздоровления или расслабиться и подремать за сотню баксов. Стульев не было, сидели на вьетнамских циновках, многие в позе лотоса, остальные как придется, слушали друг друга внимательно и как-то бесстрастно, возможно, не один Колюжный, а многие не понимали, о чем речь. К тому же, он больше рассматривал публику, и тоже обнаруживал странную смесь обеспеченных, самодостаточных особ, типичных многодетных домохозяек, девчонок студенческого вида и редких, сосредоточенных, бородатых мужчин, стригущих глазами по залу. Ни один из них вообще не проронил ни слова, и потому Вячеслав тоже помалкивал, помня что это хоть и платный, но чужой монастырь.

В какой-то момент он увидел знакомое лицо молодой женщины, но сразу вспомнить не мог, где встречались, и только когда она развязала узел своих ног, сомкнутых в позе лотоса и села вольно, чуть откинувшись назад, узнал – да это же Неволина, популярная артистка, кинозвезда чуть ли не первой величины! Несколько исторических фильмов видел с ее участием, в одном играла юную жену старого князя и любовницу его сына одновременно, и в общем-то талантливо, не взирая на ужасный, нелепый детективный сценарий. Ей бы место в голливуде, а не на клубном собрании, где изучают истины какой-то неведомой пророчицы. Так нет, одета серенько, волосы пучочком, сидит самозабвенно слушает непритязательную самодеятельность и даже не делает попыток блеснуть своим положением или сморщить носик от безыскусности чужой поэзии. Может, пришла сюда, чтобы вжиться в какую-нибудь новую роль?...

Присутствие Невוליной заинтересовало Колюжного, возникло желание перебраться к ней поближе и при удобном случае спросить, что она тут делает – успешная, узнаваемая, часто мелькающая в телевизоре, кинозвезда? Среди богатеньких дам, домохозяек, неудачливых безмужних стареющих девиц и молчаливых бородачей? Однако на мгновение отвлекся и потерял ее из виду: то ли исчезла невероятным образом, то ли перевоплотилась, слилась в единую массу с подчеркнуто сереньким народом, вмиг утратив броскую красоту. Еще несколько минут он всматривался в длинноносую девицу, бывшую рядом, и разочарованно вслушивался в тягучую и медленную, как караван верблюдов в песках, мелодию.

Неволина так и не возникла, а он был уверен, что видел именно ее и ни с кем спутать не мог. Утомительная релаксация наконец-то смикшировалась, вспыхнул свет и зрители разом всколыхнулись, будто стая голубей от выстрела. Перед тем, как разойтись, почитатели Сорокина-Стюарта ритуально, однако же неумело раскланивались друг перед другом, робко обнимались, тем самым словно подчеркивая, что этот клуб некий подготовительный класс, где изучают принципы общинного существования и готовятся для чего-то более значительного. Колюжный тоже кланялся, обнимался и замечал – никто не смотрит в глаза друг другу: все куда-то мимо, словно чего-то стыдясь, или в себя, любимого. И только девушка лет двадцати, в горчичном спортивном костюме, вдруг подняла скорбные веки и по-детски улыбнулась, оставив единственное яркое и приятное впечатление.

Исчезнувшую Неволину Колюжный внезапно увидел уже в холле и тоже встретился с ней взглядом. Она выглядела оскорбленной, беспомощной, спешила натянуть липучий кожаный плащик, путалась в рукавах. Вячеслав помог справиться с одеждой и тихо спросил:

– Вас-то как сюда занесло?

Она привыкла быть узнаваемой и ориентировалась мгновенно, угадав единомышленника. Ничего не ответила, однако выразительно и как-то доверчиво указала глазами на дверь: обсуждать увиденное и делиться впечатлениями в гуще почитателей не решилась.

– Ищу Стюарта. – шепотом сообщила кинозвезда на улице.

– Я тоже, – признался Колюжный.

– Так и подумала...

Вячеслав подхватил ее под руку, чтобы лучше слышать – на улице было шумно, и едва увернулся от рослого мужчины, который отсек от него именитую спутницу, выказывая тем самым профессиональные навыки телохранителя или невероятно ревнивого мужа. Неволина в его присутствии вмиг обрела уверенность.

– Он присутствовал, на публику не вышел...

– Странно, почему? – телохранитель попытался бесцеремонно оттереть Вячеслава, и говорить приходилось заглядывая друг на друга из-за его могучей фигуры, как говорят через перегородку.

– Стюарт почти божество. – язвительно отозвалась Неволина. – В этот раз снизить не пожелал.

– Публика молилась не слишком усердно?

– Что-то вроде того. Пробралась закулисы, он увидел меня и исчез. Спрятался, драпанул!

– Вы знакомы?...

– Лично нет... Нашла бы, но его апостолы прикрыли. Там их шесть человек в засаде оказалось. Ходит под надежной охраной. А бородатые архангелы в зале сидели. Это тоже охрана, чтобы поклонницы на сцену не прорывались.

В кино голосок ее был нежным, трепетным, зовущим, как язычок пламени на ветру. В жизни оказался несколько грубоватым, простецким и тон эдаким панибратским. Безмолвный телохранитель к ней не прикасался, но словно примагничивал и вел на автостоянку.

– А ты Колужный, Вячеслав? – вдруг спросила она.

Тот изумления скрыть не смог и сказать ничего не успел. Неволина куда-то спешила, поэтому интриговать не стала, или такая манера общения была у кинодивы.

– Видела на благотворительном концерте. – мимоходом пояснила она. – В Доме Кино... Во вторник, позвони, если свободен. Скажу, где следующая тайная вечеря.

И подала витизитку. Неодушевленный охранник распахнул перед ней дверцу машины.

– Спасибо, это интересно... – начал было Колужный, однако звезда и слушать не захотела.

– И по поводу твоей экспедиции поговорим. – беспардонно перебила звезда. – У Рассохина на Карагаче проблемы...

Телохранитель захлопнул дверцу и сел за руль.

Вячеслав еще минуту стоял чуть ли не с открытым ртом. Года полтора назад он и в самом деле был на концерте в Доме Кино, куда его затащил отец, поскольку шла избирательная компания и многие кандидаты в депутаты занимались благотворительностью. Однако там собирали пожертвования на какую-то детскую программу оздоровления и проводила это совсем другая недавно взошедшая кинозвезда то ли с именем, то ли с псевдонимом Айнура. После концерта именитых и щедрых благодетелей пригласили за стол, но и там Невוליной, кажется, не было. Впрочем, среди знаменитых артисток она могла и раствориться, особенно не выделяя свою звездность на блистающем ночном небосклоне...

Во вторник он позвонил, намереваясь утолить перезревшее любопытство по телефону, но попал на любезную помощницу, которая и сообщила адрес следующего собрания клуба. На сей раз заседали в актовом зале какого-то прежде богатого и теперь обнищавшего НИИ с облезлыми остатками былой роскоши в виде сталинской лепнины. Не смотря, что цена входного билета подскочила вдвое, народу оказалось больше: около сотни женщин, десятка полтора мужчин. Форма одежды опять полуспортивная, многие с фотоаппаратами, а две дамы установили телекамеру на треноге – стало ясно, грядет событие. В предбаннике торговали орехом, маслом, поделками из кедра и книжками Стюарта, чего в прошлый раз не было. Ко всему прочему, теперь всех пришедших регистрировали в журнал, правда, со слов, документов не проверяли, но зачем-то неназойливо фотографировали. Пока рассаживались на полу под музыку, вернее, под шумовой фон – шелест листы, шорох хвои и крики кедровок, на подиум внесли

стол, кресло и вазу с кедровыми ветками. Многие лица уже были знакомы, но тут отчего-то не принято было бурно выражать восторг встречи, поэтому все лишь кивали друг другу и Колужный тоже кивал, выискивая глазами Неволину.

Дабы не выглядеть белой вороной он устроился рядом с мужчинами, подвернул под себя длинные ноги, чтоб уместиться на циновке, напустил суровый вид и стал ждать, по прежнему незаметно рассматривая собравшихся. Сильный пол на сей раз напоминал заседание ученого совета – седые бородачи академического вида. Выделялся только один – смуглый, широколобый и сухопарый мужик с косичкой и длинной бородой, спрятанной под рубашку, эдакий экзотический кадр, хоть в историческом кино снимай, в роли монаха или юродивого на площади. И тоже рыскал взглядом да еще что-то шептал своему невозмутимому соседу.

Вообще-то с мужами подобного вида Колужный уже сталкивался, в конце девяностых, когда вернувшись из Англии, еще в радужный период, с помощью всезнающего отца определил направление в бизнесе – высокотехнологичные проекты, которые в последствии назовут нанотехнологиями. Родитель когда-то работал начальником прииска и был уверен, что рухнувшая советская наука, этот гигантский отвал хранит в себе столько золотого песка, что мыть его не перемыть. Обнищавшие, беработные ученые, кандидаты и доктора из оборонки и Роскосмоса потянулись к нему вереницей – те, кого якобы не выпускали зарубеж в связи со страшными подписками о неразглашении. Они тащили свои проекты, потрясали толстенными папками, чертежами, на пальцах объясняли все, от принципов получения новых видов энергии, медицинских препаратов и методики лечения смертельных заболеваний до вечных двигателей включительно. Униженные и оскорбленные, ученые мужи сильно переживали за отечественную науку и от того напоминали юристов. По крайней мере, Колужный так объяснил себе их сильную и страстную возбудимость, крайности в оценках и непримиримость. Четверых ученых, проекты которых показались ему перспективными, он взял на полное содержание и опекал всячески, лечил непризнанных гениев медицины в хороших платных больницах, помогал с жильем и устройством внуков в университеты. Обещали уже через полгода потрясающие результаты, однако миновал год, а их не было. Тогда Вячеслав, уже не надеясь на своих экспертов, сам попытался вникнуть в суть научных проблем и получил от подопечных неожиданный и резкий отказ. Они не подпускали к конкретике своих тем, дескать, все, что мы творим, принадлежит Родине, а не тебе, частному лицу, министерскому сынку, да еще выученному в Англии и наверняка завербованному разведкой МИБ! Дескать, если вы задумали со своим родителем хоть как-нибудь оправдаться перед Отечеством и доказать свою преданность, платите деньги и не суйтесь в тайны их гениальных изобретений.

В общем его, блестяще образованного в высшей школе менеджмента Великобритании, а вкупе с ним и отца, бывшего министра и теперь депутата, развели, как в девяностых разводили многих иностранцев. Отец никак не хотел верить, что его расчеты на золотой научный отвал не оправдались, свалил вину на Вячеслава, мол, не правильно организовал работу. В результате, практически отстранил от своего личного кошелька и года два еще недовольно пыхтел, жалея напрасно потраченное время и деньги. Но поскольку с молодости носил горделивое, приискательское прозвище Бульдозер, то сам принялся разрабатывать новую золотую жилу, связанную с технологиями.

Еще тогда Вячеслав решил, что наконец-то избавился от вездесущей опеки родителя, собрал жалкие крохи в виде незаконченных проектов по сверхпрочным и сверхлегким материалам и наладил производство снаряжения для экстремального отдыха и спорта. Выпускал все, от страховочных карабинов, байдарок и лодок до спальных мешков и рюкзаков. И тут подвернулся шанс выиграть тендер на производство облегченных космических скафандров для туристов, которых в скором времени станут пачками засылать на орбиту. У Колужного были все современные материалы, оборудование и технологии, не хватало единственной отечественной мелочи – технологии изготовления герметичного замка-молнии, способного выдерживать кос-

мические нагрузки. Точнее, была, но оказалось уже украдена одним расторопным лаборантом, увезена в Австралию и там запатентована. Бывший лаборант теперь выпускал гидрокостюмы с таким замком, процветал, но расслабился на законопослушной чужбине и секретов своих не стерег. Вячеслав проник на его фирму, срисовал технологию производства «молнии» и можно сказать, вернул краденное своей стране.

Смуглый кадр с бородой под рубахой напоминал ему одного из дорогостоящих экспертов, которых Колюжный нанимал, чтобы разобраться в премудростях высоких космических технологий. В частности, с производством скафандров и систем жизнеобеспечения. Попутно академик занимался медициной, некими аэрозолями, ароматерапией и еще каким-то экзотическим восточным снадобьем от ожирения.

На сей раз приятное началось с первых минут: явно высмотрев его в толпе, впереди, прямо у ног, пристроилась девушка в горчичном костюме, и опять одарила искренней, открытой улыбкой. А хотела, наверное, рядом сесть, но место оказалось уже занятым: по правую руку пристроилась чахлая, болезненная женщина. Неволина так и не появилась, сколько бы он не рыскал глазами по заполненному полулежащими телами, залу. Потом свет смикшировался и погас, как перед киносеансом, люди замерли, и когда на подиуме загорелся фонарь, тот, кого так торжественно ждали, уже сидел в кресле за столом. Этот театральный прием рассмешил Вячеслава, однако присутствующие встретили Стюарта очень серьезно, не хлопали и никак не выражали своих чувств, если не считать, что некоторые женщины начали перешептываться.

В первый миг Колюжный испытал не только веселье – разочарование, ибо промелькнула мысль, что это не Сорокин, и не Стюарт, а кто-то третий, скорее всего, подставной. Вид колоритный, привлекающий внимание и чем-то очень знакомый: темные, распадающиеся на прямой пробор, волосья ниже плеч, но при этом редковатая, пучком, неухоженная борода и одеяние неожиданное – темно-зеленый офицерский френч, явно дореволюционного покроя. Эта явная деталь была единственной, указывающей на родство с жандармским ротмистром, в остальном он никоим образом не походил на правнука жандарма, родившегося и выросшего в Канаде. И вряд бы такой ряженный сумел скупить земли по Карагачу, организовать бизнес да еще работать с европейскими партнерами! Разве что переодевается в цивильное, но тогда борода приклеена, и на голове парик, не иначе...

Едва этот волосатый гуру открыл рот, как первое впечатление лишь усилилось: голос был тихий, но сильный, густой и какой-то обволакивающий. И дикция при этом блестящая, простые слова получались емкими, проникновенными и никакого, даже малейшего акцента, приобретаемого русскими от жизни в иноязычной среде – типичный говор урожденного москвича. Манера говорить заставляла вслушиваться, но Вячеслав сразу понял, о чем речь, хотя лектор начал с некой середины, с полуслова: автор «Света любви» проповедовал вегетарианство, точнее, исследовал причины отказа от мясной пищи и рыбы.

– Я спросил пророчицу. – вещал он проникновенно, на зависть отсутствующей артистке Невוליной. – Почему следует полностью исключить мясо и рыбу, если человек на заре своего становления их употреблял, причем, в больших количествах? А в иных племенах, особенно северных, охотничьих, это было основной пищей? И не под воздействием ли животного белка мозг человека сгустился, образовались клетки памяти? Кора головного мозга, пресловутые извилины, сознание и осознание себя, как человека разумного?... И как всегда получил ответ, требующий неспешного и долгого осмысления. «Ты прав, – сказала она. – Животный белок ускорил образование коры головного мозга, обеспечил стремительное развитие памяти. Образовалась суша разума, как бы из морской пучины, из хаоса, поднялись каменные горы. На первый взгляд, земля, но не плодоносная, и надобно еще много миллионов лет, чтобы скалы разрушились в песок, на котором еще через миллионы лет образуется почва. Человек обрел память и аналитическое мышление, он стал умным, но продолжая поедать себе подобных, не обрел разума. Ум и умение, это бесплодный песок. Он содержит много полезного, например,

всевозможные минералы, в том числе и золото, но не может стать пищей, чтоб питать хотя бы траву. Так и сознание человека умного напоминает песчанную пустыню и не способно к божественному творению. И заботит его лишь питание собственной плоти, а отсюда страсть к удовольствиям. Путь от ума к разуму лежит через отказ от кровавой жертвы».

Ничего подобного в книге не было!

Зал слушал его, замерев, однако не забывали тянуть к подиуму диктофоны, кто-то снимал со вспышкой, кто-то по-студенчески торопливо конспектировал в тетрадки. Болезненная, безгрудая тетка в позе лотоса внимала и записывала информацию выставленными ладонями и так подалась вперед, что чудом не падала на сидящих женщин – будто в трансе находилась. Горчицная девушка слушала с закрытыми глазами и улыбалась, сильно откинув голову назад. Только архангелы-мужчины сидели в молчаливом напряжении, не заботясь о записи и не выдавая чувств: должно быть, в клубе так полагалось себя вести сильному полу. И еще две гламурных кумушки, явно состоятельные домохозяйки, шушукались, и довольно громко, поэтому дама, сидящая позади них, так же громко сделала им замечание. Тут произошло невероятное: шепталыщицы умолкли, но вдохновленный лектор, оказывается, слышал все и полностью контролировал зал, не смотря на свой отстраненный вид. Наперекор всем правилам он сделал выволочку не кумушкам, а даме!

– Предупреждаю, сестра. – вплеп он выговор в повествование. – Прерывать беседу двух тоскующих сердец равно прерыванию беременности. В обоих случаях погибает жизнь – нерожденный младенец или не сказанное слово. Тишина потворствует покою души, но умение молчать, а самое главное, потребность в молчании приобретается не сразу, и не вдруг, но путем долгим и осознанным. Молчание – удел мужчин, пусть женщины говорят, если чувствуют радость в общении, каковым бы оно ни было. И не зависимо, где, как и при каких обстоятельствах. Берегите не свои чувства, а позывы души своих сестер. Я здесь с вами, чтобы всякий, вошедший сюда, ощутил полное раскрепощение, освободился от стереотипов мышления и поведения.

После такого нравоучения Стюарт словно вырос в глазах Колюжного. И в самом деле, он как-то стереотипно мыслил, воспринимая колоритную фигуру, обряженную во френч, как недоразумение; этот человек с хорошо поставленным голосом и какой-то необычной логикой вполне мог быть правнуком офицера жандармерии и успешным бизнесменом. Борода и буйные волосы, наполовину закрывающие лицо, скорее, некий обязательный клубный антураж. Вон и завсегдатай сборищ, ученый эксперт в области космонавтики отрастил такую гриву и бороду, что сразу не узнать.

Как бы там ни было, но заговорить, очаровать, заставить себя слушать больше сотни человек, и не уличную толпу – явно образованных, начитанных, продвинутых хотя бы в области доморощенной философии, тут надо обладать определенным талантом. Конечно, эти люди и пришли сюда с желанием, чтоб их очаровали, ввели в транс. Еще после первого похода в клуб Колюжный посчитал, что скучающие богатые барышни, домохозяйки и студентки собираются вместе от острого приступа иммунодефицита, только не в организме – в душе, в этой бесплотной субстанции. Грубо говоря, от смертной тоски обеспеченного существования, когда все есть, или напротив, ничего нет, но в любом случае жизнь не в радость, когда послушать некого и посудачить не с кем.

Вячеслав сам через это проходил, когда вернулся из Англии, но своеобразным способом: напрочь лишил себя свободного времени, занялся дорогим экстримом, сплавом по горным рекам, дайвингом, горными зимними маршрутами на снегоходах. Даже прыгал с парашютом и мыслил освоить пилотирование легкомоторной авиатехники. То есть, умышленно ввергал себя в состояние преодоления барьеров, дабы обрести ощущение собственной воли, быть самим собой, избавиться от стереотипов поведения в организованной среде. И в экспедицию на Карагач собрался не раздумывая, чтоб разогнать застой крови, мгновенно возникающий в этой

среде, принять дозу омолаживающего чувства, адреналина, выработанного собственным сердцем, а не испитого из банки с энергетиком. Вот и сейчас он почувствовал, как начинает увлекаться тем, на что еще недавно смотрел свысока и испытывал один интерес – найти неуловимого, фантомного Сорокина, выполнить поручения Станислава Ивановича.

Между тем, Стюарт, соответствуя псевдониму, сохранял королевское спокойствие и продолжал излагать откровения пророчицы, но уже по иному вопросу – сыроядению, которое логично вытекало из вегетарианства. Причем, он и его исповедальница (так Сорокин называл свой источник истин), не ругали мясоедов, не предавали анафеме, не называли живодерами и трупоедами; они констатировали факты, облекая их в образную форму. И создавалось впечатление, что живущая в сибирской тайге, женщина преклонного возраста, попросту, философствующая старуха, однако в юном образе, как минимум имеет медицинское образование, поскольку цитируя ее, Сорокин употреблял специфические термины. Например, исповедальница все время оперировала словами «энергия» и «энергетика», а что стоило ее выражение, мол, любовь имеет такую же фотонную структуру, как и свет!

Кстати, то же самое встречалось и в книге, некоторые обороты и словечки вообще коробили, будто бы взятые из учебника по биохимии, физики и астрономии. По разумению Вячеслава, не грамотная лесная красавица без определенного возраста, всю жизнь прожившая в тайге, каковой и представлялась пророчица, должна бы говорить иным языком, соответствующим ее опыту и образу жизни. А тут кроет терминами, как будто бы только что выскочила из студенческой аудитории или вот с такого семинара.

Горький опыт общения с несчастными учеными оставил в памяти глубокий критично-недоверчивый шрам и привычку все подвергать сомнению.

Однако тут из уст сибирского шотландца прозвучал факт, о котором Колужный никогда не думал, но услышав, сразу почему-то поверил. И снова усомнился, что перед ним настоящий Сорокин, прикрытый волосами и псевдонимом: слишком уж различались подходы к теме и аргументации от тех, что излагались в книжке. Скорее всего, хорошо поставленный голос лектора принадлежал наставнику бесталанного правнука жандармского ротмистра, причем, весьма талантливому, или уж толкователю, но уж никак не апологету. Этот Стюарт, похоже, развил и снабдил примитивные истины исповедальницы некой научной базой, обстоятельностью и доказательствами.

А суть была вот в чем: оказывается, во время забоя животного в его тканях остается информация о смерти, которую кровь успевает разнести по всему телу, пока теленок, например, бьется в агонии. И ее, информацию, невозможно стереть ни варкой, ни жаркой, ни прочими обработками, ибо она имеет такую же неуловимую, невидимую природу, как радиация. Некоторые виды животных – белый медведь, например, или стерлядь, в момент гибели выделяют активные и смертельные яды в свои собственные органы, таким образом нанося удар возмездия. Люди об этом знают с древнейших времен и не употребляют в пищу всю тушу целиком или отдельные ее части. Древние иудеи об этом тоже знали и приловчились делать мясо кошерным, спуская кровь, но такой самообман их не спасает. Информация о смерти на первый взгляд безвредна, как гомеопатическая доза, поэтому мясоеды, поедая плоть диких, либо домашних животных, в том числе, и умершую от кислородного голодания, рыбу, все более насыщают ею свои клетки. В конце концов набирается критическая масса и у человека образуется смертельная болезнь в форме рака, инфаркта, которые никак с мясоедением не связывают.

И опасен не холестерин, коего бояться, не тяжелые металлы и даже не радионуклиды – знаки смерти, по представлению пророчицы, имеющие вид кристаллов в форме усеченной пирамиды, и странное название «чишовел». Мол, это вещество и тормозит развитие человеческого разума, лишает его божественного образа и подобия, творческого совершенства, к тому же, в несколько раз сокращает срок жизни. То, что когда-то создало человека разумного, его и губит.

А Вячеслав особенно любил молодую свининку, шашлык из шейки, запеченную оленину с кровью, в походах же строганину, с солью и перцем, то есть сырое, мороженное, настроганное ножом мясо или рыбу. Если еще после дневного броска на снегоходе по тайге, под водочку, да в жарко натопленном зимовье, возникает такой контраст температур, что электричество бежит по жилам.

И теперь, вспомнив свой опыт мясного сыроядения, Колюжный не то, чтобы устыдился или устрасился за свое здоровье, но почувствовал себя неловко. Показалось, академические бородачи догадываются о его вкусах, взирают с осуждением, а болезненная тетушка и вовсе с ненавистью, будто мысли об оленье строганинке прочла. И только забытая им, соседка в горчичном костюме слегка повернула нежную, русоволосую головку и глянула на Вячеслава без улыбки.

Если бы Стюарт в этот вечер нагрузил еще чем-нибудь кроме неведомого вещества смерти «чишовела», он бы нарушил клубную этику, встал и ушел, однако вещание с подиума закончилось так же внезапно, как и началось, на полуслове. Свет фонаря смикшировался и в полной темноте, как слабый крик в аравийской пустыне, возникла восточная мелодия. Начинаясь второй этап собрания – релаксация, в зале возникло легкое шевеление, люди устраивались поудобнее, чтобы предаться отдохновению и расслабиться. Колюжному в тот миг и в голову не пришло, что Сорокин исчезнет, пользуясь затемнением, а тут еще болезненная соседка незаметно куда-то пропала и вместо нее оказался единственный безбородый в зале, рыжеволосый мужчина средних лет. Вячеслав не заметил, как произошла подмена, и когда спохватился, то понял, для чего погас театральный фонарь. А ведь должен был сразу догадаться, Сорокин как пришел, так и уйдет, дабы оставить о себе впечатление, что он сам – суть явление почти чудотворное. Чем же еще приковать к себе внимание и мысли?

Релаксация длилась минут двадцать, и вместе с затуханием заунывной музыки в зале начал появляться свет, напоминающий восход солнца в пустыне. Мысль, что он проворонил Сорокина, тут же и подтвердилась: на подиуме было пусто, даже стол с креслом утащили когда-то. Многие женщины в зале откровенно спали, некоторые бодрствовали, но сидели в позах эмбрионов, будто озябли. Только мужики по прежнему торчали невозмутимыми изваяниями над полулежащей публикой, напоминая истуканов с острова Пасхи. На коленях некоторых из них покоились головки спящих дам, и это их ничуть не волновало. Колюжному тоже хотелось, чтобы горчичная девушка положила свою головку, и он даже колени подставил, однако ее русский, почти священный ореол даже не преклонился. Новоявленный рыжий сосед все время бодрствовал и внимательно изучал присутствующих в зале. Как только чуть рассвело, порывисто вскочил и затерялся в просыпающейся и шевелящейся толпе. С трудом разогнув онемевшие ноги (а ведь не почувал даже, когда затекли!), Вячеслав встал с чувством детской обманутости. Но когда взял на вешалке куртку и вышел на улицу, обнаружил, что еще светло, и где-то за домами есть солнце.

Казалось, столько времени прошло!

Смуглый кадр с бородой под рубашкой что-то страстно говорил девице в горчичном, и та глядела с уважением, тарасила восторженные глаза и порывалась что-то ответить. При вечернем, солнечном свете Колюжный узнал его: и верно, тот самый эксперт! Только по-вегетариански исхудавший, аскетичный, борода и волосы почти соответствуют Сорокинским. Специалист в области космического оборудования и аромотерапии признал бывшего работодателя, потянулся было к нему, оставляя без внимания свою восторженную слушательницу, однако Вячеслав общаться с ним желания не испытывал, поскольку все еще искал глазами актрису.

И внезапно увидел ее телохранителя.

– Вас жду в машине, – приглушенно сообщил тот и указал на белый «лексус».

Неволина тоже обладала даром перевоплощения, только делала это без купания в озере и чудотворства, с помощью макияжа и парика: болезненного вида женщина, оказавшаяся соседкой в зале на глазах возвращала свой прежний облик популярной кинозвезды.

– Честно сказать, не узнал вас. – искренне признался Колюжный, усаживаясь рядом.

Звезда торопливо срывала с лица искусственные наклепки, смывала грим, меняя салфетки и заглядываясь в зеркало. Потом повернулась к нему спиной и скомандовала:

– Расстегни замок!

С некоторых пор Вячеслав считал себя большим специалистом по «молниям», но тут чуть смутился и допустил паузу, выдающую нерешительность. Замок он расстегнул, только запоздало – под невзрачным платьем оказался театральный корсет на «липучках».

– Расстегивай! – приказала Неволина.

– Это я с удовольствием! – уже вдохновился он и с треском разорвал шелковые ремни.

Кинозвезда вытащила корсет, выпустила на волю свое высокое достоинство и облегченно вздохнула.

– Встреча с Сорокиным завтра, – деловито проговорила она, расправляя руками свое расплющенное, не исключено, силиконовое счастье. – В его тайном логове.

И назвала адрес.

– А это был Сорокин? – откровенно рассматривая грудь, спросил Колюжный. – На подиуме?

– Сомневаешься? – она помедлила и наконец-то начала упаковывать себя в черную блузку.

– Какой-то ряженный... Хотя вещает почти профессионально.

– Возьму тебя с собой. Толькоя потребую полного повиновения.

Вячеслав последил за ее руками.

– Спасибо... Никак не пойму, вам-то он зачем?

– Зачем?... – она закончила туалет и взглянула прямо, с неким сожалением. – Долго объяснять. Короче, существует Фонд помощи женщинам, попавшим в сложную психологическую ситуацию. В секту, например, в экзотическую общину. Или в руки ясновидящих мошенников, лекарей и прочих шаманов.

– Это же полстраны...

– Если не больше...

– А в Доме кино был благотворительный детский концерт. – вспомнил он. – Не слишком ли много на хрупкие плечи? Еще съемки, театр...

Неволина усмехнулась и вздохнула.

– Конкуренция...

– Не понял?

– Айнура подмяла под себя тему страждущих детей. Татарская мафия... – и опятьглянула прямо, проникновенно. – Но благо, в нашей стране обмануты и обездолены не толькобольные младенцы. Женщины и матери этих детей страдают еще больше.

– То есть, феминистская организация?

– Почему я должна защищать мужчин? Которые унижают прежде всего женщину? Делают ее товаром? Продают в сексуальное рабство?

– Вас кто-то обидел? – догадался Колюжный, все еще следуя материнскому воспитанию в отношениях с женщинами.

– Меня трудно обидеть. – самоуверенно произнесла Неволина. – Ты же понимаешь, сниматься в кино, играть несчастных жен олигархов мало...

Он вдруг увидел, что зовущая красота ее призрачна и так же пластична, как силикон; она буквально превращается в блин, как только снимается актерская маска. Сейчас актриса заго-

ворила о неких сокровенных подробностях своего существования, и в тот час стала походить на ту болезненную женщину, даже без грима...

– Какие проблемы у Рассохина на Карагаче? – решил пощадить ее Колужный.

– У него похитили спутницу, какую-то питерскую даму. Вот тебе еще одна пострадавшая...

– Не было у него дамы! – изумился Вячеслав. – Он поехал один. Откуда информация?

– Из надежных источников. – тоном разведчика проговорила Неволлина. – У меня в общине на Гнилой Прорве свой человек. Да, я вынуждена засылать волонтеров в самое логово. Чтоб снимали и писали, документировали. Сорокин создал на Карагаче закрытую ортодоксальную секту. По типу американских. У него в неволе находится около сорока женщин. Обманутых, забитых, замордованных, доведенных до состояния рабства. У некоторых есть маленькие дети! Женщин проводят сквозь ужасное чистилище, потом дают новые имена и заставляют ходить голыми. Местные власти куплены и попустительствуют. Да и кому теперь нужны эти несчастные? Бездомные, душевнобольные, с исковерканной судьбой?...

– Хотите сказать, даму Рассохина похитили сектанты?

– Пока не ясно, знает только Рассохин. А может, и ты, коль друзья...

– Я про нее впервые слышу! Может, перепутал информатор? У Станислава Ивановича похищали женщину на Карагаче, и кажется, питерскую. Но лет тридцать назад!

– Значит, вторую похитили.

– Такого быть не может!...

– Я проверила. – невозмутимо произнесла звезда. – Дама у Рассохина была. И не стало. Возможно, Сорокинская секта причастна. В концлагере на Гнилой Прорве новеньких содержат на карантине, в изоляции. Могли увезти в другой лагерь. Их у Сорокина на Карагаче несколько. Ты бы должен знать, кто похищает и зачем.

У Колужного ни слов, ни аргументов не нашлось.

– Да откуда мне знать?

Она умела быть убедительной не только в кино, и давить умела своим трепетным, нежным голосом, словно катком асфальтовым.

– Ты финансировал экспедицию. А теперь ищешь Сорокина. Значит, в курсе дел.

Больше всего Вячеслав не любил оправдываться, ибо чувствовал свою бестолковость.

– Я особенно не вникал в суть, – чуть ли не залепетал он, испытывая при этом омерзение. – Рассохин попросил найти этого Сорокина, точнее сначала его книжку, про какую-то пророчицу. И выяснить, существует ли она в самом деле. Или выдумка...

– Значит, у тебя есть связь с Рассохиним?

– И связи нет! Он через своего друга, Бурнашова, попросил...

– Верю. – благосклонно отозвалась Неволлина. – Не зря сказали, ты просто экстримал, любитель приключений... Вот и возьму завтра на экстремальную встречу к Стюарту!

– Все-таки мне показалось, это не Стюарт. – слабо трепыхнулся Колужный. – Тот, что вешал со сцены... Не Сорокин.

– Кто же еще?

– Не знаю... Может, помощник, сподвижник. И явно умнее самого гуру. Просто я слушал, с книжкой сравнивал. Здесь хоть что-то есть вразумительное...

– Пожалуй, да, – легкомысленно согласилась звезда. – В книжке-то вообще эзотерическая бредятина.

– Про чишовел интересно. Термин странный, никогда не слышал...

– Это что?

– Энергия смерти.

– Я прослушала... Ладно, завтра все проверим! – Неволлина тронула своего охранника за плечо. – Поехали!

Вячеслав вышел из машины с ощущением, будто его эта барыня только что оттаскала за ухо...

4

Больше всего она опасалась обещанного лешим «сватом», чистилища, которое предстояло пройти в скиту у молчунов, поэтому все лето думала о побеге. Но мысль эта жила в ней как-то отвлеченно, не содержала никаких конкретных планов и скорее была только неким умо-зрительным желанием. Она даже не знала, где находится, и если бежать, то в какую сторону, на чем, и более менее ясным казался ей только срок. Как только попытаются провести сквозь муки чистилища, которые хоть и вызывали любопытство, однако представлялись адскими. И если этого не случится, то самое время бежать под осень, когда будет заканчиваться полевой сезон.

Она воображала, как неожиданно явится на прииск или в лагерь отряда, словно с неба свалится! Ведь к тому времени ее почти перестанут искать, строить предположения, выдвигать версии и будут лишь вспоминать у вечерних костров, даже кто-нибудь из самодеятельных бардов сочинит песню. Она же внезапно придет, возникнет из небытия и вот тут поднимется такая волна! Молва пойдет не только по Карагачу и Сибири – до Питера долетит, и все станут рассказывать, как неведомые миру кержаки из таинственного толка погорельцев похитили студентку из горного, Женю Семенову. Как она пробыла в плену несколько месяцев и с великими трудами бежала.

Чтобы еще пуще раззадорить будущее любопытство к ее приключениям, она завела дневник, благо, что чистых полевых книжек-блокнотов было несколько, и стала записывать впечатления каждого дня. И еще не скрываясь, снимала жизнь огнепальных, жилища, домашнюю утварь и даже портреты. При этом по-детски радовалась, что взяла с собой много пленки! Она ощущала себя путешественником, первооткрывателем неведомой цивилизации, некой инопланетной жизни. Правда, кержаки-погорельцы откуда-то знали про фотоаппарат, и что он может снимать точные картинки – удивить их чем-либо было трудно, однако фотографировать не запрещали. Ей вообще ничего не запрещали, и даже не охраняли, не присматривали и тем паче, не запирали: делай, что угодно, ходи, где вздумается!

На следующий день, как ее привезли в потаенный скит, посмотреть на добытую невесту пришла старуха, внешне похожая на сказочную Бабу Ягу. Она бесцеремонно растрепала Жену волосы на голове и отпрянула.

– Мыть да чистить надобно отроковицу! – сказала Прокоше. – Вся во вшах да блохах! Фу!

А она только что из бани пришла и блаженствовала от чистоты и ощущения легкости. В тот же день Женя попробовала если не сбежать, то хотя бы разведать местность, поскольку не имела представления, где находится. Душистый, потворствующей неге, аромат кедрового цвета действовал, как снотворное, и она проспала почти все время, пока они плыли на облаке по бесконечным разливам и озерам. Пленнице не завязывали глаза, никак не скрывали пути, а навели приятный, нескончаемый морок – это уже потом Женя узнала, как погорельцы умеют морочить голову. Всю дорогу она лишь изредка просыпалась, замечала какие-то детали и ориентиры, однако над нею склонялся иконописный лик жениха, и все окружающее пространство превращалась в некий малозначащий фон.

У молчуна Прокоши взгляд был какой-то говорящий, необъяснимо притягательный, и тонкая струнка разума едва слышно позванивала, как далекое эхо, заставляя сожалеть, что еще ни разу на свете она не встречала таких манящих мужских глаз, вселяющих уверенность и бескрайний душевный комфорт. Она не хотела, но тянулась к нему, как тянулась бы всякая женщина, обласканная и вдохновленная таким взором. Это можно было бы назвать и наваждением, и чарами, и колдовством, но угасающий звук разума не мог уже совладать, казалось бы с неуместной, неестественной, сумасшедшей мыслью, которая умещалась в три слова – «это мой мужчина».

Не было сказано ни единого слова, которые клятвенно и со страстью произносят в таких случаях, не совершено подвигов, не дано никаких обещаний, не принесено подарков – вообще ничего! Пожалуй, кроме этого благостного эфирного аромата, который она ощутила еще на прииске перед похищением. Даже формальных объяснений в любви не было, а все уже будто состоялось, и она впервые в жизни любила не ушами и даже не глазами, как женщина; она почуяла своего мужчину по запаху, как в природе всякая самка чует своего самца. И позволила себя украсть. Все остальное вдруг стало не важно, не обязательно – куда ее везут, каким путем, и что ждет впереди.

В этом безразличии и заключалась тайная, бесконечная минута счастья! Счастливый полусон не прервался даже когда она обнаружила себя обнаженной сначала в тесном помещении – что-то вроде бани. Богообразный похититель мыл ее водой, вытирал полотенцем, и она с удовольствием и полным доверием подставляла ему тело. Потом нес на руках по весеннему, солнечному лесу, завернутую в ткань, и она уже догадывалась, куда и зачем несут, испытывая при этом предощущение бесконечной радости. Примерно вот так она представляла себе их побег с Рассохиным в лесные кущи, чтоб он так же нес ее и молча ласкал взглядом. Их первая брачная ночь началась задолго до захода солнца, под деревом, и закончилась только утром, на восходе. И на все это бесконечное время Женя совершенно забыла, что ее похитили, и что с ней не богообразный погорелец Прокоша, а страстный и чувственный Стас, вдруг из робкого мальчика превратившийся в мужчину. На них все время сыпалась золотистая, кедровая хвоя – и это было единственным опознавательным знаком, что они все-так на земле и реальный мир существует.

Женя была уверена, что засыпает в объятиях Рассохина, и потому заснула так крепко, что проснулась лишь в обласе, на лосиной шкуре. На корме сидел и греб веслом просветленный Прокоша и она восприняла это без паники и разочарования. Снова плыли по разливам, и теперь уже не хотелось запоминать дороги, замечать ориентиры...

Простенький мотивчик, напеваемый подавленным сознанием, еще нудил, подсказывал, твердил, что это не на долго, не на всегда, что это всего лишь приключение, увлекательная забава, авантюра, поэтому и сохранялось желание бежать. И она сделала первую попытку совершенно спонтанно, как только заметила, что за ней никто не следит. Становище огнепальных располагалось в ленточном кедровнике, невысокие дома были выстроены вокруг гигантских кедров и вовсе не имели крыш, только бревенчатый накат, покрытый толстым слоем глины. Не попадали ни дождь, ни снег, и с воздуха увидеть их было невозможно. Несколько раз Женя слышала вертолет, круживший над весенними разливами, это искали ее, но не было никакого желания выдавать себя и жилье своих похитителей.

Перед первым тайным побегом ей казалось, будто Карагач где-то на востоке, и однажды она взяла фотоаппарат и пошла в эту сторону. Однако кругом была вода, затопленная болотистая пойма, уйти по которой без лодки ну никак невозможно. Не вброд же, не вплавь! И эта невозможность радовала, точнее, оправдывала ее пребывание здесь. Если сбежать сейчас, все кончится! И начнется практика, полевой отряд, маршруты, посиделки возле костров, одни и те же рожи, истории, песни, анекдоты. Влюбленный Стас наверняка уволился или даже уволили за потерю своего маршрутника. После практики опять город, гнусный питерский климат, защита диплома. Да и уходить было слишком рано! Старуха только посоветовала Прокоше вести ее сквозь чистилище, а тот вроде бы и не готовился, напротив, всячески ублажал. И когда соберется производить экзекуцию, неизвестно, все лето впереди. Вот спадет вода, высохнет земля, Карагач войдет в русло, ее пропажа обрастет легендами и закончится запас пленок – вот тогда и бежать можно!

Отсутствовала она часа три, но даже искать никто не бросился, и не спросил, где была. Только пегий сват по-лешачьи хитро глянул и скрючил нос. Женя застала своего Прокошу за тем же делом, за которым оставила. Готовясь похитить себе присмотренную на прииске, отро-

ковицу, «муж» пристроил к своему тесноватому домику светелку и теперь выстрагивал стены. Огнепальные деревьев в своем кедровнике не трогали, а рубили где-то далеко и плавил по воде толстенные бревна. Потом их раскалывали, возводили стены, настилали полы и потолок: пристройка получалась бело-розовая, сказочная, с тремя окошками и пахла божественно – свежим кедром.

А строил, потому что женщины у огнепальных жили отдельно, на своей половине, куда муж мог входить лишь ночью. Ко всему прочему, жен вообще не заставляли работать по хозяйству, и в начале Женя думала, что это по причине медового месяца, потом все равно придется готовить пищу, убирать в доме, стирать. Но месяц пролетел – ничего не изменилось! Женя первые две нелели просто отсыпалась и огромный Прокоша за толстой дверью светелки ходил на цыпочках. Когда она просыпалась и как всегда начинала чихать, «муж» получал сигнал и готовил ей завтрак, обычно, ядра кедровых орешков, сваренные в лосинном молоке, эдакая божественного вкуса, каша. Ему даже не надо было говорить, что такая пища ей нравится; прозорливый, он все сам видел и готовил. И что больше всего поразило: чтобы накормить одним только завтраком, он часа два сидел и щелкал орехи, собирая зернышки в глиняную плошку!

На обед Прокоша готовил рыбу, обычно, нельму, причем, настолько вкусно, с приправами из диких трав, что она никак не могла насытиться. А еще подавал копченый язык, молодую лосятину с гарниром из медвежьей пучки или ревеня, что-то вроде паштета из костного мозга с перетертыми луковичками саранок и кореньями. Это не считая такой обыденной и знакомой пищи из тушеных овощей и сдобных свежих хлебцев из ржи крупного помола. Сладкого тоже было вдоволь, даже медовые самодельные конфеты и что-то вроде щербета с кедровыми орешками. Жене было интересно узнать, что из чего и как приготовлено, однако Прокоша секретов не выдавал, а только сидел, смотрел, как она ест и улыбался. Все рецепты она узнавала от жен других погорельцев, которые приходили глянуть на «молодую» и охотно рассказывали и даже учили премудростям кухни молчунов. Поначалу Женя опасалась спрашивать их, когда же кончится это райское существование и начнется чистилище. С «мужем» они вообще почти не разговаривали, да и потребности в этом Женя не испытывала даже когда он ночью приходил на ее территорию, вставал на колени перед ложем и начинал осторожно трогать ее тело подушечками пальцев, как слепой. Эти прикосновения напоминали мимолетные поцелуи, и сначала она испытывала полудрему и негу, представляя, что это пришел Стас, запускала руку ему в бороду и тело в тот час наполнялось пузырястой страстью, как в первую брачную ночь...

Пришло время, когда надоело вести лежащий или гуляющий образ жизни, и она сама бралась за какую-нибудь работу, но Прокоша молча отстранял ее или усаживал в красный угол.

– Сам. – говорил он. – Мне в радость.

И еще подавал голос, чтоб непременно пожелать здоровья, когда она чихала, причем повторить одну и ту же фразу мог хоть двадцать раз подряд. А помнится, мужа этот ее чих по утрам начинал раздражать и даже бесить.

Как только Прокоша привел себе супругу, женщины стали приходиться к нему в жилище, и оказалось, кержакские жены не в пример мужьям, говорливые, веселые, любопытные, и занимаются в скиту лишь тем, что рожают и воспитывают детей. Все они были когда-то похищены в миру, совсем юными или как Женя, взрослыми, и почти ни о чем прошлом не жалели. А иные, уже стареющие тетки, и вовсе были выкуплены из лагеря заключенных! Одно время в зоне на Гнилой Прорве была начальница-хозяйка, которая по уговору с молчунами устраивала смотрины невест и продавала молоденьких воровок и мошенниц. Выбирала таких, которые освобождались, а если отроковица очень уж нравилась кержакам, но срок имела большой, то переводила в «больничку», потом выписывала бумаги о смерти. Вместо лагерного кладбища счастливица попадала в рай земной. Кержаки платили за своих невест соболями, однако хозяйка зоны попала под подозрение, и то ли сама села на нары, то ли перевели куда. И опять огнепальные были вынуждены заняться старым промыслом – кражей отроковиц.

У молчунов оказалась беда, с которой они никак не могли справиться. Все погорельцы были родственниками друг другу и не могли брать в жены своих невест, старики за этим очень строго следили. К тому же, по злему року у огнепальных рождались в основном мальчишки, и совсем редко – девочки. Некоторые парни лет до сорока не женились, искали себе подходящих невест, или вовсе оставались бобылями. Первых встречных они не брали, высматривали себе отроковиц, ярых по духу и смелых, точно угадывали способность к чадородию и сильное материнское начало.

Все эти подробности рассказали ей кержацкие жены, доверительно, без утайки, по-свойски, даже не подозревая, что она замыслила побег к осени. Слушая их, Женя с каким-то легким сожалением думала, что Прокоша все-таки обманулся, никакого сильного материнского начала в ней как раз и не было. Она даже дочку вспоминала редко, отвлеченно размышляя, как бы написать ей письмо и попросить пронырливого свата-лешего, чтобы каким-то образом переправил в Усть-Карагач, и там сбросил в почтовый ящик. И все откладывала, ибо увлеченная своими приключениями, не ощущала острой потребности.

И еще одно желание, навеянное прошлым, иногда возникало в очарованной голове: вот если бы Стас ее разыскал! Плюнул бы на увольнение, остался на Карагаче ради нее. Пожалуй, он был единственным парнем, за которым бы она пошла из плена, но при обязательном условии поединка. Пусть схватится с Прокошей и отнимет! Отнимет и приведет в отряд... Но пусть это случится под осень, чтоб целое лето удачливый, прославленный на Карагаче, Рассохин метался, рыскал по тайге. И если добыл бы себе отроковицу, то в честной драке отбил у соперника. Тогда можно поверить в его чувства и пойти...

Только вот станет ли искать? А отыскав, возьмет ли, коль узнает, что были у них с огнепальным брачные ночи? Обмануть его казалось кощунством, да и соврать о своем целомудренном пребывании у Прокоши невозможно! Поэтому и возникали сомнения: больно уж ревнив был баловень судьбы, он и с Репниным рассорился из-за Жени, и увольняться вздумал потому, что честолюбие не позволяет прощать...

Она думала о Стасе, даже когда уединялась в светелке и нетерпеливо ждала своего «мужа» Прокошу, купаясь в колких и шипящих, как шампанское, волнах предощущений.

Первым тревожным знаком стало то, что «муж» перестал приходить к ней ночью. Женя прождала его несколько вечеров, полагая, что это его воздержание как-то связано с обычаями погорельцев. Ночи были светлые, манящие, таинственные от синих, туманных сумерек, и зов плоти ощущался особенно ярко. Но когда прошла неделя, сама приоткрыла дверь в мужскую половину. Прокоша безмятежно спал на голой лосинной кошме, и одет был странно: в длинную, домотканную рубаху, перепосанную сыромятным ремнем, и не смотря на летнее тепло, в суконные портки. И стоило ей сделать шаг, как порывисто вскочил и отвел в светелку. Там положил на постель, укрыл одеялом и сказал два слова:

– Нарушим, нельзя.

И тут же вышел.

Тогда она и задумала второй побег.

Должно быть, «муж» не хотел нарушать некий свой пост, променял ее на свою религию, хотя Женя так еще и не разобралась, в какого бога верят кержаки и как молятся, потому что молящимися никогда не видела, хотя несколько медных икон в углу висело. А если уж честно сказать, то пресытился ею, притомился от нужды все время оказывать знаки внимания, коль для него важнее стал обычай, нарушать который не хотел. И ведь она тайно от себя ждала этой минуты. Ну, не может такого быть на свете! Не в состоянии мужчина служить женщине, как богине! Даже такой первобытный, первозданный и молчаливый, как огнепальный кержак. Кончилось у него терпение, тут и сказке конец.

Можно выходить из скита, благо, что близится август. Пусть теперь поищет! Побегает по тайге!

Не смотря на охлаждение, Прокоша накормил ее завтраком и отправился на огород, который был далеко от скита, в скрытом от самолетов, месте. Женя собрала все не проявленные пленки, взяла дневники и отправилась налегке, даже без продуктов, чтоб никто не заподозрил побега. Грибов и ягод в тайге было множество, да и три дня посидеть на диете не помешало бы, поскольку от забот «мужа» она стала заметно поправляться. Подумают еще, не в плену была – в санатории. Она уже знала, в какой стороне искать Карагач, а по реке можно было легко выйти на рассошинский прииск или до любого стана геологов. Еще в камералке она слышала, что открытие Рассохиным необычной золотой россыпи подвигло экспедицию снарядить несколько поисковых отрядов, которые отрабатывали всю территорию от Зажирной Прорвы, где были кержацкие златокузницы, до горных верховий. Потаенный скит находился где-то ближе к горам, и в ясную погоду были видны голубые очертания далеких вершин.

Женя прошла ленточным кедровником до болотистой, низины, там в последний раз оглянулась, облегченно вздохнула и словно в воду, погрузилась в кочковатую, густо поросшую кустарником, марь. Под ногами хлюпало, осока резала пальцы, да и после вольготной, малоподвижной жизни идти было трудновато, пропотела, гнус доставал, которого в кедровнике почти не ощущалось. За болотом, по тыловому шву, оказались целые заросли спелой жимолости, и Жене вдруг так захотелось этой горькой ягоды! Прокоша каждый день приносил ей то земляники, то голубики или морошки, которую заливал молоком, медом и ставил на стол. Но жимолость кержаки не ели, считали ее вообще не съедобной из-за горечи, называли волчьей, хотя пришедшие из мира их жены тайком ее вкушали.

Она съела всего пригоршню, нарвала горсть в карман и когда выбралась из болота на сухую березовую гриву, ощутила тошноту. Думала, от горечи, скоро пройдет, однако через несколько минут ее вырвало, от внезапной слабости подкосились ноги. Должно быть, манкая темно-синяя, в изморози, ягода и впрямь здесь была ядовитой. Кое-как она добралась до края луговины, откуда начиналась новая лента болота и попила воды. Тошнота вроде бы унялась, прошло головокружение, а задора и обиды на Прокошу было достаточно, поэтому она еще километр плюхалась по мари, пока не вышла на следующую, осиновую гриву. Полоска суши оказалась узкой, за ней опять простиралось болото, уже километра на три, но не это подлюмило волю. Ком тошноты опять подступил к горлу, побежала горькая слюна и земля закачалась под ногами. Скорее всего теперь подействовала болотная вода, и Женя с ненавистью к себе подумала, что разбаловалась, разнежилась в чистоте и уюте Прокошиного дома. Раньше откуда только пить не приходилось, торф отжимали сквозь майку, бурую жижу глотали, и хоть бы что...

Когда снова вырвало, она поняла, что в таком состоянии даже до Карагача не дойти, тем более, неизвестно, сколько еще топать по болотам до берега, где-то и ночевать придется. А если за световой день не уложиться, Прокоша хватится, бросится догонять. И догонит, поэтому лучше сейчас, до обеда повернуть назад.

Возвращалась она торопливо, и недомогание вроде бы прошло, но когда шла сквозь заросли жимолости, вновь захотелось этой нестерпимой горечи. В тот миг у нее проскочила мысль, что желание это навязчиво, как у беременной, но не зацепила сознания. Женя пересилила себя, наломала букет с ягодами и перешла марь. Возле кедровника попыталась уничтожить следы преступления: умыла в луже лицо, руки, всполоснула сапоги и оттрясла одежду.

Прокоша вроде бы ничего особенного не заметил, но на жимолость обратил внимание.

– Вот этой ягоды хочется. – призналась Женя. – У нас ее жимолостью называют. А вы считаете, не съедобная?

– Ешь. – позволил он.

– А ничего не будет?

– Ежели токо сблюешь...

Ушел куда-то, и минут через десять явился с деревянной плошкой, полной соленых огурцов, еще прошлогодних, пожелтевших в бочке. И при виде их, а более от одного запаха у Жени слюнки потекли. Прокоша молча поставил плошку перед ней и стал смотреть нежно, со скрытой, бушующей радостью.

И только тут ее словно ледяной волной окатило, потом в жар бросило – залетела! Беременна! Это же самый обыкновенный токсикоз, потому и тошнота, и страстное желание. Все точно так же, когда зачала Лизу! Только тогда ей хотелось горького миндаля...

Впервые за эти два месяца добровольного и восхитительного заточения она заплакала у себя в светелке. Прокоша слышать не мог – почуял, пришел, сел рядышком, не касаясь ее, и сказал еще два утешительных слова:

– Переможется, погоди...

А самого распирало от удовольствия!

На следующее утро она впервые собралась сходить в гости – просто так ходить друг к другу у женщин было не принято, да и некогда, у всех дети и женские хлопоты. Сами погорельцы на ребят до пяти лет смотрели редко и не баловали, не тетешкали, особенно, мальчиков. Но после пяти забирали и позволяли матерям только взглянуть на них, не давали ни приласкать, ни угостить чем-либо. Точно так же не подпускали близко и к другим женщинам, воспитывали молчунов. С этого возраста парни всюду следовали за родителем, как тени и уже носили на опояске ножи, стреляли из луков, рыбачили, штопали сети, чинили охотничьи потаенные зимовья, иногда пропадая в тайге неделями. А в девять вообще уходили к неким старикам, и будто возвращались оттуда зрелыми, молчаливыми мужами и начинали охоту за невестами.

В скиту жила коллега Жени, когда-то давно похищенная из поискового отряда геолог Галя Притворова, почти ровесница и уже многодетная. Бывшая профессия как-то сразу их сблизила, но Галя никогда не вспоминала прошлую жизнь, ничуть не сожалела о ней. И если что-то проскакивало, то случайно, ненароком. Жене хотелось с кем-нибудь поделиться своим горем – а в первые дни она так и воспринимала свою беременность, поделиться, совета спросить или хотя бы выплакаться. Была еще утлая, заведомо пустая надежда, навязанная паническим состоянием: попробовать выяснить, нельзя ли сделать аборт? Может, какой травы попить? Прыгнуть с крыши? Женщины в скиту были многоопытными, иные в лагере сидели, должны знать способы, как избавиться от беременности...

Галя будто тайные мысли ее прочла.

– А я давно поняла, забрюхатела ты. – сказала между делом. – По глазам видно. Только не вздумай травить. Родишь дитя, Прокоша на тебя молиться станет.

Женю ее слова будто за горло взяли.

– Да я же уйти собралась. – в отчаянии призналась она. – Вернуться!...

– Даже не думай. – отрезала коллега. – Кто же тебе позволит семя унести? Мы люди огнепальные, выученные властью постоять за себя... Мало что Прокоша уйти не позволит, морок наведет... Геологи твои пострадают. Больше всех тот, кто в миру добрее к тебе относился или чувствами повязан.

В первый миг Женя пришла в ужас от ее слов: Галя рассуждала так, словно век прожила в скиту. И не оставляла ни единого проблеска надежды!

– Радуйся, вон как скоро зачала. – заговорила она примирительно. – Это Прокоше знак, с любовью брак сотворился. От стариков одобрение получишь. Ты лучше попроси его, пусть сходит к ним да узнает, кого родишь и какое имя дать. Вслепую нельзя долго плод носить, пора уже изведать, кого носишь.

Вернувшись от своей преображенной коллеги, Женя еще несколько дней жила, словно в огромной качели, вздымающей ее то вверх, то вниз, то в прошлое, то в будущее. И в любом положении она испытывала замирание души, ибо в прошлое возврата теперь не было, а будущее еще не просматривалось. Точнее, было не соразмерным с ее представлениями о жизни в

скиту, среди огнепальных молчунов. Одно дело, приключения в летний сезон, эдакая забава для школьного сочинения «как я провел каникулы», и другое – предрешенное, неотвратимое существование все оставшиеся годы провести вне привычной цивилизации. Прокоша видел ее метания, чувял ночные слезы, но не вмешивался, не тормозил эти качели, словно позволяя самой определиться в настоящем. И правильно делал, поскольку мог попасть под горячую руку и не спасло бы его даже осознание, что он – «мой мужчина».

По утрам, когда ей удавалось поспать несколько часов, Женя просыпалась и долго лежала, не открывая глаз, чтоб сразу же не закружилась голова от этих полетов. Пока она не видела глазами свое скитское существование, как-то легче казалось взвешивать, что теряет, и что обретает. И странное дело, все больше тянула та чаша весов, на которой лежал окружающий ее, не цивилизованный мир. Даже не ласковый и сильный красавец-«муж», умеющий носить на руках, а некая обнимающая его чистота. Первозданно и чисто здесь было все, от выскобленного до желтизны, жилища и пахнувшей свежестью одежды до воздуха, пищи, кедрового леса и неба над головой. Эта чистота сквозила даже из молчания Прокоши, ибо от слов и речей ей всегда было пыльно, дымно и неудобно. А прошлый мир, напротив, начинал все сильнее напоминать огромную питерскую коммуналку с общим коридором, туалетом и кухней, где уже никогда невозможно отмыть грязь, выстирать занавески, вывести тараканов и избавиться от скверных вездесущих запахов.

И с каждым утром более весомым оказывалась еще пока невесомая и почти неосязаемая жизнь, зачатая в ее плоти. Этот первый, безумный от паники, порыв избавиться от нее, сейчас вспоминался, как нечто чужое, случайное, произошедшее с кем-то другим. Женя осторожно клала руку на живот и ощущала легкую, тоже какую-то чистую радость и только тогда открывала глаза. Все-таки, природа заложила в нее сильное материнское начало, и помнится, она с гордостью и вызовом носила живот, когда ходила беременная Лизой, а иногда испытывала чувство превосходства, когда видела, что прохожие женщины глядят с завистью. Но та, цивилизованная жизнь, незаметно выхолостила, вытрепала это начало случайными, мимолетными связями, и она больше ни разу не забеременела. И ведь во время оттолкнула, не подпустила к себе этого прославленного на Карагаче и романтического мальчишку, интуитивно чувствуя, что он способен заронить в нее плодородное семя. Оттолкнула играючи, на время, поскольку не хотела делать это наскоро и впопыхах, по-воровски. И не обманывала, когда обещала Рассохину, что они возьмут палатку, уйдут подальше в лес, и там все свершится...

Свершилось бы, коль не появился похититель!

Однажды Женя решила. Утром прочихалась, подавая сигнал Прокоше, обрядилась в домашнюю, каждый раз чистую, отмятую вальком, домотканую рубаху и вышла из светелки, чтоб попросить «мужа» сходить к старикам. А у него уже и завтрак был готов, и ответ! Всего из трех, в миг поразивших ее, слов:

– Тройню зачала, ласточка.

Пожалуй, минуту она стояла оцепенев, с открытым ртом, потом засмеялась, но отчего-то с невольными слезами.

– Да ты шутишь, Прокоша!...

Невозмутимый молчун чаровал ее своим синим взором и глубоко скрытое волнение выдавала лишь могучая его лапища, теребившая рыжую, веникообразную бороду. И верно в честь праздника такого добавил еще одно слово:

– Добро...

Чаша весов наконец-то заметно качнулась вниз и качели стали только зыбиться, как детская люлька.

Конечно, Жене хотелось задать тучу вопросов – кто такие, эти старики, и как они определили, но все слова сейчас показались лишними, ибо услышанного и так хватало с лихвой,

чтоб за целый день только привыкнуть к мысли, что в ее плоти не одна жизнь – целых три! Даже назавтра еще останется, и на послезавтра...

И только спустя три дня она кое-как обвыкла со своим новым положением, и вспомнила, что не спросила мужа о единственном – кто они, мальчики, девочки? Или есть те и другие? Она ждала, что Прокоша сам скажет, поскольку уже привыкала к его способности отвечать на не заданные вопросы, но он не сказал и имен не назвал, определенных стариками. Наверное, ему было все равно, кто, впрочем, и у Жени скоро пропало любопытство. Однажды вечером она обнаружила у себя в светелке новенький строганный стол, и на нем свиток выбеленной, мягкой ткани, явно пролежавшей долгое время в сундуке. А еще были нитки в клубке, иголки и старые зингеровские ножницы, почти источенные, но очень острые. Она и без слов поняла, что это и будет ее первая домашняя работа – шить рубашки и пеленки для будущих младенцев.

Это занятие отвлекло и увлекло Женю на целый месяц, и почти все уже улеглось в душе, смирилось неведомым образом, но пошли дожди и стали желтеть листья. Обычного календаря погорельцы не держали, но точно знали какой день седмицы и какое число месяца, а Женя, чтобы не сбиваться со счета, продолжала ежедневно писать в дневнике, и записи ее становились все короче. Жизнь с экономным на слова, мужем-молчуном давала себя знать.

Когда же по расчетам начался сентябрь, ей неожиданно приснился Рассохин. Непонятно, с какой стати, почему, ладно бы если вспоминала о нем, думала или воображала с ним близость, когда была близка с Прокошей. Возможно, где-то глубоко в подсознании отпечаталась мысль о побеге, запланированная на сентябрь, вот и пришло во сне. Будто Стас лежит голый, на куче песка, возле глубокой, темной ямы, вырытой бульдозером. То ли вскрышные работы на прииске, то ли пустыня кругом. Место не понятное, но сухой песок зыбится, утекает из-под него, а Стас не чует и вот-вот свалится. Женя хотела предупредить, чтоб отполз подальше и проснулась с ощущением неясной тревоги.

Токсикоз давно прошел, уже и животик стал оформляться, беременность она переносила легко, шитьем занималась, много и свободно гуляла по кедровнику, снимала белок, бурундуков и шишки собирала, самые крупные, упавшие с вершин. И еще забаву себе придумала: щелкала орехи и скармливала Прокоше. Почти насильно высыпала, вдавливая ему в рот целую горсть зерен, и он молча ел, трогая губами ее ладошку. Жене было щекотно, ему радостно...

А тут после этого сна с Рассохиным муж озаботился, будто видение подглядел или почуял ее тревожность. И сам спросил:

– Не отпускает?

Женя вмиг догадалась о чем речь, и как-то просто призналась:

– Держит.

И весь был сказ. Но Прокоша собрался в дорогу сам, пестерь с припасом приготовил и ей отстиранную штормовку и брюки подал. Женя переделалась в походное, вышли на улицу, там уже сват Христофор в своем лешачьем образе, с пестерем и рогатиной за плечами. Как-то подозрительно глянул, хмыкнул, но сказал не о том, что подумал:

– Прямицей двинем.

– Куда мы идем? – спохватилась Женя.

– Дак к Рассохе в гости! – вместо него весело отозвался леший.

– К Рассохину? – она в первый миг даже растерялась.

Муж смотрел выразительно и она по глазам прочитала – Прокоша делает это ради нее, чтоб душу умиротворить, чтоб в том, очужевшем миру не осталось ничего, что может сниться, манить, напоминать прошлое. Прочитала все это и ощутила толчок благодарности к нему.

– Сам-то ведь не уйдет. – пояснил Христофор. – Будет, как телок, всю зиму колобродить, ровно матку потерял.

– А он где-то близко?

– В урочище у Сухого залома отирается...

Женя не знала, где это, да и не важно было. Главное она услышала: Стас не уволился, не уехал, не ушел с Карагача, а все лето ищет ее! От этой мысли возникли смутные чувства: вроде, приятно, льстит самолюбию, но и плохо, жалко стало Рассохина...

– И мы его там найдем? – спросила она у мужа.

– Да как не найдем? – опять встрял леший. – Конечно найдем.

– Что же ему скажу?

– Чтоб отпустил. – посоветовал Прокоша.

Накануне целый день дождик моросил, в туго обложенном низком небе и просвета нет, но тут с утра солнце, воздух теплый, прозрачный, как случается в начале осени, последний проблеск уходящего лета. Идти было легко, тем паче вместо кирзовых сапог Прокоша мягкие бродни ей сшил, из выморощенной в дегте, лосиной шкуры, на ногах так не ощущаются и не текут. Пошли на восток, в ту сторону, куда Женя пыталась бежать еще в первый раз, без дорог и тропинок. Огнепальные возле скита старались не оставлять следов, чтоб не натаптывать стежек, всякий раз по новому месту ходили. Болота за лето просохли, на лесистых гривах трава выросла по грудь, и если путала ноги, Прокоша подхватывал жену на руки и нес, пока луговины проходили. Иногда забывался и вовсе на землю не спускал, хотя можно было и самой идти. А ей опять было так хорошо, что наваливалась дрема, как во время похищения. Она радовалась тому, что это состояние повторяется, напрочь забывая, куда они идут и зачем. Впрочем, на его руках Женя вообще забывала обо всем на свете.

Первую ночь они ночевали на берегу озера, обрамленного кедровником. Вода была тихая и густая, как жидкое стекло, только до утра стрекотали кедровки да созревшие шишки падали, иногда попадая в воду. Но даже круги почему-то не расходились. Женя спала в заячьем спальном мешке, который погорельцы называли куль, но не крепко, поскольку за дорогу почти не устала. Напротив, словно напилась энергией и забывшись, мысленно благодарила мужа, что устроил ей такой удивительный культпоход.

Однако перед утром Рассохин опять все испортил: привиделся, будто все же свалился, сидит в глубокой яме и манит. А она знает наперед, стоит подать ему руку или палку, как вмиг окажешься рядом, и уже не выбраться по сыпучим стенкам.

Прокоша наверняка вместе с ней сон этот же смотрел, потому что когда позавтракали и стали собираться, сказал:

– Не поддавайся.

Потом опять целый день шли, но уже по беломошным борам с редкими и сухими верховыми болотами, и вроде даже мелкие речки переходили. Она и не заметила, в какой момент к ним присоединились еще двое – старик и старуха, не знакомые, с кожаными понягами. Леший Христофор о чем-то разговаривал с примкнувшими, вроде, больше со старухой, но в благодатной полудреме было не разобрать слов, да и не хотелось прислушиваться.

Было еще светло, когда остановились на какой-то сосновой гриве среди верховых болот, и Прокоша, словно волшебник, открыл перед Женей земные недра. Однако сам спустился первым и зажег керосиновую лампу. В это время откуда-то сверху свесилась бородастая голова лешего и прозвучала фраза, как на похоронах:

– Пусть земля вам будет пухом!

И закрыл дверь, отчего и в самом деле стало тихо, как в могиле. Тем более, потолок напоминал крышку гроба, если смотреть изнутри. Жене стало страшновато, но Прокоша был рядом. Он уложил Женю на топчан и лег сам, смиренно сложив руки на груди. Кто-то незримый дунул в ламповое стекло сверху и стало темно, хоть глаз выколи. В этот день она больше шла сама по чистым борам, и с непривычки устала, поэтому заснула почти сразу, в последний миг прикрыв ладонью низ живота, где обитали три жизни.

В этом же положении она и проснулась от приглушенных земель, голосов наверху. На столе опять горела керосинка, но Прокоши рядом не оказалось, зато напротив, за столом, сидели старик со старухой, что присоединились по пути.

– Что там происходит? – спросила она с испугом.

– Иди и посмотри. – велела старуха. – Из-за тебя сыр-бор...

Женя встала, ощущая ломоту в суставах и почти на ощупь начала подниматься наверх. В это время люк над головой распахнулся и в подземелье ударил яркий свет, ослепивший ее на минуту. Она поднялась и увидела Рассохина с винтовкой. Всклоченный, гневный и одновременно какой-то сонный, с болезненным взором, он возвышался над Христофором, стоящим от него чуть сбоку и будто рвался к Жене, но леший удерживал его рогатиной, наставленной в грудь.

– Стас, отпусти меня! – попросила она.

Рассохин помедлил, должно быть, смутился и поднял винтовку.

– Отпускаю. – сказал хрипло.

Она услышала выстрел, ощутила тупой толчок в грудь, колкую пороховую волну и вместе с ней донесся смех лешего.

– Давно бы так! На што тебе блудная отроковица?

В следующий миг откуда-то взялся Прокоша, подхватил ее на руки, прижал к груди и понес...

5

Морское словечко «ходить» на облас не распространялось, и это понимал всякий, кто хоть раз в него садился. Только в долбленке можно было испытать полный круг чувств, удовольствий и счастья от плавания, как от полета, если летишь не в салоне воздушного лайнера, а в крохотном самолете, сидя за штурвалом или во время затыжного прыжка с парашютом.

Примерно так покойный Репа объяснял новичкам, когда учил их плавать. Сам он владел этим искусством безупречно, «как ясашный»: считалось, прежние жители Карагача, ясашные олени люди, рождались и умирали в обласе. У здешних туземцев даже существовало предание, описанное жандармским ротмистром: будто в древние времена по этой реке уже жили белоглазые, великие телом, люди, считающие себя внуками подземного змея Карагача, поэтому назывались карагасами. Они почти не ходили пешими, долбили обласа, плавали по всему краю, промышляли зверя и ловили рыбу. Но однажды их степные братья пригнали табун лошадей, которых на таежном Карагаче никогда не видывали. Белоглазые научились ездить верхом, в санях и телегах, для чего стали прорубать дороги. И когда переустроили свое существование, привыкли к верховой жизни, степняки позвали их на войну. Карагасы собрались в одночасье, сели на коней и уехали в сторону, где западает солнце. Свои же богатые уголья уступили оленям людям, которые боялись воды, но белоглазые оставили им железные топоры, тесла, инструменты, научили делать обласа и плавать по рекам. И будто уходя, наказали, что непременно вернуться, когда победят врагов в великой битве, если даже сменится несколько поколений, и снова сядут в обласа, чтобы плавать по рекам. Но олени люди должны сохранить инструменты и ремесло долбить лодки, дабы потом обучить конных карагасов, если они отвыкнут плавать. Мирные туземцы ждали их долго, много зим и лет: из семян дерева успели вырасти до нужной толщины, чтобы срубить и выдолбить облас. Потом и обласа эти состарились сгнили, выросли новые деревья, и ясашные решили, что все белоглазые сгинули на войне. Но пришел час, и старожилы Карагача вернулись. Правда, телом стали не так велики, и глаза не так светлы, и поклонялись они уже не солнцу, как раньше, а двум перекрещенным палкам и медным картинкам. И песни пели совсем другие.

– Кончилась ли у вас война? – спросили их туземцы.

– Нет, – отвечают белоглазые. – Война только разгорается, и не видать ей конца, а нам победы. Притомились мы сражаться, стали гонимыми и вернулись на старое место. Если сбегли ремесло, учите нас долбить обласа и на них плавать. Не хотим более верхом на конях жить.

Так и появились на Карагаче кержаки. Олени люди отдали им свои долбленки, показали, как их делать, как сидеть и грести, чтоб не переворачивались. Сами же взяли у них коней, поскольку туземцы давно уже промышляли рыбалкой и олени у них одичали, сели в седла и откочевали сухопутьем, через тайгу куда-то на юг, в вольные степи. Только в верховьях Карагача еще жило несколько семей ясашных, будто бы оставленных здесь своими сородичами, чтоб наблюдать, когда белоглазые отдохнут, наберутся сил и снова уйдут на войну.

Ясашные и в самом деле словно присматривали за рекой: раз в лето их обласа непременно проходили от истока до устья, причем, без всякого видимого задела, вроде турпохода. Завидев на берегу палатку, дымок костра или причаленную лодку, непременно подворачивали и охотно, весело вступали в разговоры с кем бы то ни было. И непременно спрашивали, не началась ли война.

Когда леспромхозы беспощадно рубили боры, кедровники и сплавляли лес, ясашные улыбались и говорили:

– Пелоклазый человек сапсем плохой. Тайка валит, зверя нет. Реку палан катает – рыпа нет. Сапсем дурной пелоклазый стал, зачем тайка воевать?

Когда же пришли геологи, ясашные и вовсе смеялись:

– Кеолоки сапсем плоко! Землю копают, польшой опласок поставил кеолок. Трака называется. Скоро перек Карагач сапсем нет, рыпа нет, вота крязный. Зачем река воевать?

Это они так возмущались, когда на прииске начала работать драга, возникли лунные ландшафты перемытой породы, а Карагач стал мутным, почти черным до самого устья, что хорошо просматривалось с вертолета. По уверению жандарма Сорокина, ясашные не умели плакать вообще и всякие чувства свои выражали через смех. Поэтому царский лазутчик считал их самым веселым и счастливым народом на свете.

Ясашные вспомнились Рассохину не только при виде обласа; все эти дни он так или иначе думал о Галицине, пытаясь понять, каким образом в прожженном, циничном опере вдруг пробудились романтические чувства. С чего вдруг человек так скоро и неузнаваемо переменялся? И стал улыбочивым, веселым, словно карагачский туземец? Неужто в лагерной общине, в этом сорокинском бабьем царстве и впрямь могут переделать, перевоплотить даже милицейского полковника? Который отвергнет все мерзкое прошлое, перестанет ныть, жалобиться на жизнь, разучится плакать и начнет счастливо смеяться, как ясашный? А он ведь не прикидывался, не играл – был счастливым! Может, влюбился в Матерую? И голову потерял?...

Облас Христи оказался вертким, или у Рассохина навык держать равновесие утратился за эти годы: пока выезжал из разливов на чистое, дважды чуть не опрокинулся и воды бортом зачерпнул. Но потом приноровился, мышцы вспомнили былое скорее, чем неповоротливая память, и выгребая на стрежень, он уже чувствовал себя почти ясашным. Реку одолевал по всем правилам, чуть вкось к берегу, чтобы не сносило, и угадал точно в наезженный моторками, ход полноводного истока курьи. И лишь оказавшись в протоке, обнаружил, что и грести не надо: течения влекло с приличной скоростью, а это значит, в верховьях бурное снеготаяние, на Репнинской соре все еще стоит затор и полая вода разливается по староречьям, как по сообщающимся сосудам. Облас шел легко, только шуршал о борта старый, кустистый ивняк – весь молодой был вырублен начисто по всей курье, видимо, на веточный корм лосям. Привыкшие к местному травоядному населению, пугливые весенние утки даже не взлетали, а неспешно уплывали с пути, прижимаясь к низким берегам протоки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.